

Т. РУЗВЕЛЬТ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ШТАТЕ НЬЮ-ЙОРК (1899—1900 гг.)

■
И. А. Белявская

Теодор Рузвельт занимал пост губернатора штата Нью-Йорк в 1899—1900 гг. В 1901 г. он стал президентом США и вошел в историю своей страны как сторонник экспансионистской, империалистской политики. С его именем связана агрессивная интерпретация доктрины Монро (так называемая доктрина Т. Рузвельта, или «политика большой дубинки») и первые шаги США на пути борьбы за доминирующее положение среди мировых держав. В то же время именно с его именем связаны и первые мероприятия американского правительства в области буржуазных реформ. Сочетание в лице этого государственного деятеля экспансиониста и реформатора не было ни историческим парадоксом, ни случайностью, возникшей из субъективных склонностей и взглядов Рузвельта. Его мировоззрение, его политическая концепция сложились под влиянием эпохи и отражали мироощущение его класса, класса сильной, рвущейся вперед американской буржуазии. В полной мере Рузвельт был выразителем интересов молодого американского империализма, созревшего для борьбы с монополистическим капиталом других стран.

Первые годы XX в. ознаменовались не только обострением империалистических противоречий, «громадный прогресс капитализма» и быстрый рост рабочего движения во всех цивилизованных странах, как писал В. И. Ленин, «внесли большой сдвиг в прежнее отношение буржуазии к пролетариату»¹. Соединенные Штаты не были исключением. В стране, где ширилось рабочее движение, росла тяга пролетариата к социализму, а фермеры, мелкая буржуазия, передовая интеллигенция в городах и даже средняя буржуазия все больше проникались антимонополистическими настроениями, в правящем классе рос страх перед революционной опасностью. Этот страх вынуждал наиболее способных и дальновидных политических деятелей выдвигать свой вариант разрешения социальных конфликтов — проведение буржуазных реформ сверху.

В США конца XIX — начала XX в. во многих штатах поднялось движение за буржуазно-демократические реформы. Впереди

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

шел штат Висконсин во главе с Робертом М. Лафоллеттом, возглавившим борьбу висконсинских прогрессистов с засильем партийных боссов и финансовых воротил. В Нью-Йорке избранный губернатором Т. Рузвельт тотчас уловил веяние времени и также обратился к реформизму, что — как мы увидим — не мешало ему придерживаться жесткого курса в отношении рабочего класса.

Американские историки, освещая губернаторский период политической карьеры Рузвельта, как правило, заостряют внимание на его «самостоятельной», чуть ли не «радикальной» политике. Харбаг, Маурн, Блам и др. воздают ему хвалу почти безоговорочно². Разбирая и оценивая деятельность Рузвельта в Олбани, Блам пишет: «Бесспорно, его правление было впечатляющим»³. Г. Ф. Прингл (пожалуй, единственный из американских биографов) допускает критику и даже пронию в адрес Рузвельта⁴. Но и он пишет не столько о практических результатах деятельности губернатора Рузвельта, сколько о его борьбе с сенатором США Томасом К. Платтом, боссом республиканской организации штата Нью-Йорк.

Наиболее критически и объективно написана работа Г. Л. Хервитца. Это — не биография, а историческое исследование взаимоотношений Рузвельта с рабочими Нью-Йорка не только в период губернаторства, но и в бытность его членом ассамблеи и начальником полиции г. Нью-Йорк⁵. Чессмен посвятил анализу деятельности Рузвельта в Олбани целую книгу. Она насыщена документальным материалом, который соседствует с явно апологетическим отношением к герою исследования⁶. Чувствуется, что личность Рузвельта, человека безусловно яркого и талантливого, настолько импонирует его биографам, что они готовы простить ему неблагоприятные поступки, сделки с Платтом или найти для них извинительные мотивы.

В советской историографии сюжеты политической истории отдельных штатов почти не разрабатывались. Поэтому нам представляется интересным познакомить читателя с политической жизнью штата Нью-Йорк, в котором нашел отражение сложный

² Harbaugh W. H. The Life and Times of Theodore Roosevelt (originally published as «Power and Responsibility»). New York, 1963; Mowry G. E. Theodore Roosevelt and the Progressive Movement. Madison, 1946; Blum J. M. The Republican Roosevelt. New York, 1962.

³ Blum J. M. Op. cit., p. 21.

⁴ Pringle H. F. Theodore Roosevelt. New York, 1931.

⁵ Hurwitz H. L. Theodore Roosevelt and Labor in New York State, 1880—1900. New York, London, 1943. В книге использованы неопубликованные материалы из архива Т. Рузвельта в Библиотеке конгресса, документы законодательного собрания и правительства штата Нью-Йорк, а также рабочая и буржуазная, центральная и местная пресса. Хервитц часто цитирует письма Рузвельта по рабочему вопросу, не вошедшие в восьмитомное собрание его писем, изданное Э. Морисоном и Дж. Бламом.

⁶ Chessman G. W. Governor Theodore Roosevelt. The Albany Apprenticeship, 1898—1900. Cambridge (Mass.), 1965.

комплекс противоречий социальной жизни всей страны, исследовать, на каких основах складывались взаимоотношения администрации штата, т. е. губернатора, с партийной машиной⁷ и монополистическим капиталом, с одной стороны, и с рабочим классом — с другой, какое влияние оказывала на политику администрации общественно-политическая обстановка в стране накануне нового века, непосредственно после испано-американской войны.

*

Идея выдвинуть кандидатом в губернаторы Теодора Рузвельта, сравнительно молодого (в октябре 1898 г. ему исполнилось 40 лет), но уже известного представителя политической элиты Вашингтона, принадлежала некоторым функционерам республиканской организации штата Нью-Йорк. Они искали кандидата, достаточно популярного, чтобы победить на выборах ставленника организации демократов, известной под названием Таммани, во главе которой в то время стоял босс Р. Крокер.

Война с Испанией подходила к концу. В военных действиях на Кубе при взятии Сантьяго принимал участие полк кавалерийских волонтеров («лихих всадников») под командой полковника Т. Рузвельта. Не будем вдаваться в подробности действий Рузвельта в качестве военного командира, скажем только, что его популярность после сражения при Сан-Хуане, близ Сантьяго, колоссально возросла, чему способствовала пресса, устроившая рекламный бум вокруг его имени, и друзья полковника в Вашингтоне, не жалевшие сил, дабы добиться для него выгодного и почетного поста в правительстве. Однако президент Маккинли не собирался вводить Рузвельта в свой кабинет, а в это время имя последнего в связи с предстоящими выборами в губернаторы штата замелькало в прессе.

Полк «лихих всадников» был еще на Кубе, когда «Нью-Йорк таймс», сама пока не вдаваясь в комментарии, перепечатала статью из «Рочестер пост экспресс», в которой описывались достоинства полковника Рузвельта. «Это кандидат того сорта, который вызывает энтузиазм», — писал автор статьи и тут же подчеркивал, что его ненавидят партийные боссы, которые «знают, что не могут его использовать (подобное утверждение само по себе уже было хорошей рекламой. — И. Б.). И за каждый голос, который они отнимут у него, он получит голос из рядов демократии. Мы вновь спрашиваем: почему не Рузвельт?»⁸

Статья была многозначительной и по содержанию и по тому, что она появилась в «Нью-Йорк таймс». Это был знак того, что на

⁷ Под термином «партийная машина» или просто «машина» в США имеется в виду руководящее ядро партийной организации района, штата, всей партии, во главе которого стоит босс.

⁸ «The New York Times», 1.VIII 1898.

кандидатуру полковника смотрели серьезно те самые партийные боссы, о ненависти которых писала газета.

Сенатора Т. Платта с трудом уговорили согласиться на выдвижение кандидатуры полковника «лихих всадников». Платт, знавший достаточно о честолюбии, энергии и горячности Рузвельта, опасался, что тот будет вмешиваться во все вопросы, касающиеся назначений, сбора налогов, строительства каналов или железных дорог, т. е. всех внутренних мероприятий, при проведении которых крупный капитал и партийная верхушка извлекали непосредственную выгоду. Только по настоянию Л. Э. Куига, одного из близких к Платту функционеров, и нового председателя республиканской организации штата Б. Б. Оуделла, убежденных, что Рузвельт сможет противостоять Таммани, Платт все же согласился выдвинуть кандидатуру Рузвельта, хотя и поставил целый ряд условий.

Заручившись согласием «Легкого босса» (таково было прозвище Платта), Куиг и Оуделл могли обратиться к Рузвельту с конкретным предложением. Пароход «Майами» с полком Рузвельта прибыл в Монтаук-Пойнт 15 августа 1898 г., а 17-го Рузвельт уже послал Куигу телеграмму, соглашаясь безотлагательно встретиться с ним для переговоров здесь же, в лагере⁹, так как до демобилизации своих солдат он не мог выехать из Монтаука. Встреча состоялась 19 августа. В палатке полковника Куиг и Рузвельт в течение двух часов обсудили некоторые деликатные вопросы, касающиеся отношения Платта к Рузвельту.

В интерпретации главных участников это соглашение, если так можно назвать условия, выдвинутые Платтом, выглядят несколько по-разному.

Платт писал в «Автобиографии», что на вопрос Куига, примет ли Рузвельт выдвижение в губернаторы от республиканской партии, полковник ответил с быстротой выстрела: «Приму ли я? Я буду восхищен». В таком случае, заметил Куиг, «рассчитывайте на поддержку сенатора Платта. Приезжайте в отель «Пятая авеню» и повидайтесь с ним... Полковник Рузвельт действительно приехал ко мне»¹⁰.

В изложении Рузвельта все выглядит несколько иначе. Рузвельт дал согласие баллотироваться якобы без большой охоты; он предпочел бы правительственный пост в Вашингтоне. Но коль скоро предлагался губернаторский пост, он не отказался¹¹. Позднее Куиг прислал ему письмо с перечислением условий, на которых Платт был согласен поддерживать полковника Рузвельта.

⁹ T. Roosevelt to L. E. Quigg, Aug. 17, 1898.— In: The Letters of Theodore Roosevelt (далее — The Letters), 8 Vols. Cambridge (Mass.), 1951—1954, Vol. II, p. 869.

¹⁰ Platt T. C. The Autobiography of Thomas Collier Platt. New York, 1910, p. 369.

¹¹ Roosevelt T. An Autobiography. New York, 1946, p. 271.

Требований было достаточно много, и все они были направлены на ограничение власти будущего губернатора. Платт, писал Куиг Рузвельту, хотел получить обещание, что «если вы будете губернатором, вы не пожелаете быть кем-либо еще, кроме губернатора; что вы не пожелаете быть номинальным главой..., но что вы примете этот пост, если вообще примете, собираясь честно играть роль его (сенатора Платта.— *И. Б.*) друга, личного и политического, признавать и уважать его положение как главы республиканской партии, так и республиканского сенатора Соединенных Штатов; что вас не вовлекут ни в какую фракционную оппозицию, но что вы, наоборот, будете постоянно стремиться сделать интересы организации идентичными общественным интересам; что вы будете широко и полностью советоваться с сенатором по всем важным делам; что вы не примете политического курса и не согласитесь ни на одно важное мероприятие или назначение без предварительной консультации и что хотите, чтобы он со своей стороны согласился на то же самое, так что оба — вы и он — могли встречаться на совещаниях свободно и открыто, каждый со стремлением достичь результата, удовлетворительного для обоих и таким образом сохранить полную гармонию в организации и среди тех, кто поддерживает партию»¹².

Рузвельт был вспыльчив, безмерно тщеславен и самолюбив. Эти оскорбительные требования должны были бы задеть его, но... он их принял. В ответном письме Куигу он признал по существу (*substantially*) представления Куига правильными, принимал главное, как писал сам, «дух» (*the spirit*) этих требований и слабо возражал лишь против некоторых формулировок¹³. И что бы полковник ни писал и ни говорил тогда или позже, с Платтом была заключена именно сделка, которую босс предложил, а Рузвельт принял, поскольку не отверг требований Платта и признал приемлемым их дух.

Платт действительно не требовал публичного подтверждения полковником обязательств в отношении партии. Это подтверждает и Л. Стеффенс. Он пишет в воспоминаниях: «Когда он (Рузвельт.— *И. Б.*) объявился в Монтаук-Пойнте, полковник лихих всадников мог быть избран куда угодно; Платт искренне его ненавидел, но сенатор был политиком и знал, что наилучшим шансом для него повести за собой штат является избирательный список, возглавляемый Тедди. Согласно информации, полученной мной от политических репортеров, Платт не будет требовать от Рузвельта никакого публичного подтверждения; все, чего он добивался, это формальное признание его руководства и некоторые внеш-

¹² The Letters, Vol. II, p. 874, note 1.

¹³ Например, вместо: «что я не пожелаю быть номинальным главой», Рузвельт предлагал сказать: «что я не соглашусь». Различие, как видим, действительно, не меняло «духа» требований Платта (T. Roosevelt to L. E. Quigg, Sept. 12, 1898.— In: The Letters, Vol. II, p. 874).

ние знаки «объединенного фронта», столь любимые машиной»¹⁴. Однако из письма Кунга видно, что Платт, если и не требовал публичного подтверждения, то хотел не формального, а действительного признания его лидером.

После визита Кунга в Монтаук-Пойнт партийные лидеры уверились в том, что полковник не откажется. И хотя Рузвельт говорил, что еще ничего не решено, газеты республиканской ориентации начали наперебой расточать ему похвалы, принимавшие форму рекламы. Например, «Нью-Йорк таймс» знакомила своих читателей с биографией этого «видного политического деятеля», особенно много уделяя внимания его заслугам в подготовке к войне флота и подвигам на Кубе. «Действительно,— восклицал автор статьи,— карьера Теодора Рузвельта является образцовым уроком для наших молодых людей». Подчеркивая с одобрением, что Соединенные Штаты теперь вступили на путь широкой экспансии, автор делал знаменательный вывод: «Пусть полковник Рузвельт будет солидарен с этой Великой Программой Национальной Экспансии, и он сможет сделаться не только губернатором Нью-Йорка, но и президентом Соединенных Штатов»¹⁵.

Наш герой продолжал хранить молчание; это не только интриговало репортеров, но и — как потом оказалось — ввело в заблуждение некоторых так называемых независимых республиканцев.

4 сентября полковник Рузвельт торжественно простился со своими волонтерами, сказал перед строем прочувствованную речь, пожал руку каждому солдату и офицеру и получил от них на память в подарок бронзовую копию со скульптуры Фредерика Ремингтона, изображающую дикого скакуна. Через 10 дней полк «лихих всадников» был демобилизован. Военное приключение Рузвельта окончилось, предстояла битва за губернаторский пост. Полный сил и радужных надежд, полковник вернулся в Сагамор-хилл (загородный дом Рузвельта в Ойстер-Бее, недалеко от Нью-Йорка), но до свидания с Платтом никому, кроме близких, не говорил о своем решении. Однако это не означало, что Рузвельт колебался. Губернаторство было настоящим политическим постом, огромным шагом для дальнейшей политической карьеры. После губернаторского дома в Олбани можно было бы подумать о президентстве. И Рузвельт, не колеблясь, отправился к Платту, тому самому Платту, которого еще недавно в письмах называл человеком таким же плохим, как Крокер, «абсолютно цинично презиравшим порядочность»¹⁶. Тем не менее «герой Сан-Хуана» согласился поехать к этому человеку, чтобы лично заверить его в своей лояльности.

¹⁴ Steffens L. J. The Autobiography of Lincoln Steffens. New York, 1931, p. 345—346.

¹⁵ «The New York Times», 22.VIII 1898.

¹⁶ Pringle H. F. Op. cit., p. 169.

Встреча состоялась 17 сентября в Нью-Йорке в отеле «Пятая авеню», где располагался штаб республиканской организации штата Нью-Йорк. Много лет спустя в «Автобиографии» Рузвельт, излагая мотивы, которыми он руководствовался, когда решил баллотироваться в губернаторы, говорит о чем угодно — о положении в партии, о «необходимости» борьбы с Таммани, о своих отношениях с боссами, о твердом руководстве Платта всей организацией штата и т. д., — только не о своем свидании с «Легким боссом». Встреча Рузвельта с Платтом продолжалась два часа в присутствии Оуделла и неизменного Кунга. Рузвельт был в штатском, но не мог удержаться от позы и одел свою военную ковбойскую шляпу. Когда он вышел из отеля, его окружила толпа репортеров и почитателей. На вопрос, принимает ли он выдвижение, полковник ответил: «Конечно, да. Как вы думаете, зачем я здесь?» И тут же, не моргнув, сделал заявление для прессы, что ему будто бы не поставили никаких условий в связи с предложением баллотироваться в губернаторы¹⁷.

Кандидат в губернаторы был доволен. «Я видел Платта позавчера, — сообщил он своему другу и наперснику, сенатору Г. К. Лоджу, — у нас произошел вполне удовлетворительный разговор. Конечно, у меня будут огромные неприятности во время губернаторства, но недостойно уклоняться от ответственности»¹⁸. Эти прекрасные слова Рузвельт написал в момент, когда сам отнюдь не достойно обошелся с людьми, с которыми когда-то выступал против партийной машины¹⁹.

Дело в том, что группа независимых республиканцев, «магвампов»²⁰, как их называли, среди которых были Дж. Дж. Чепмен и К. Шурц, простили Рузвельту его вероломство в 1884 г. и предложили полковнику баллотироваться в губернаторы в качестве кандидата независимых.

Независимые обратились к нему со своим предложением тоже еще в Монтаук-Пойнте, через несколько дней после приезда Кунга, и Рузвельт им сказал (так было даже напечатано в прессе), что он «приветствовал бы поддержку независимых»²¹. После этого на собраниях независимых республиканцев о полковнике Руз-

¹⁷ «The New York Times», 18.IX 1898.

¹⁸ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Sept. 19, 1898. — In: The Letters, Vol. II, p. 876.

¹⁹ В 1884 г. на съезде республиканской партии Рузвельт и Лодж возглавили оппозицию независимых, выступив против Блэйна, которого поддерживали партийные боссы. Когда Блэйн все же был утвержден кандидатом в президенты, оба друга изменили независимым и приняли деятельное участие в агитации за Блэйна, желая восстановить связи с партийной машиной.

²⁰ Magwamp (магвамн) на американском политическом жаргоне — «независимый избиратель». Так называли независимых республиканцев в 1884 г. Слово происходит от индейского mokgiomp — великий человек (mogki — великий, omp — человек).

²¹ Цит. по: The Letters, Vol. II, Appendix II. Note on Roosevelt's Nomination for the Governorship, p. 1476.

вельте говорили как о кандидате в губернаторы от независимых. А он молчал до тех пор, пока твердо не закрепил за собой место кандидата регулярных республиканцев. Уж очень не хотелось будущему губернатору терять голоса презираемых им «магвамнов»! Только после свидания с Платтом Рузвельт написал Чэпмену, что не может баллотироваться одновременно по двум спискам, так как тем самым выступит против своих товарищей по республиканскому списку — кандидатов в конгресс и легислатуру штата, ибо его имя возглавляет республиканский избирательный список. Отказаться от предложения Платта, за которым стояло подавляющее большинство организации, ему, разумеется, и в голову не могло прийти. При этом Рузвельт не постеснялся присовокупить, что хочет получить «поддержку каждого независимого»²².

Сам Рузвельт, считая это объяснение вполне удовлетворительным, а поведение извинительным, заявил, что независимые заблуждались не по его вине. Чэпмен же и другие были глубоко возмущены новым проявлением его двоедушия. Они даже попытались лично воздействовать на полковника, дважды заставив его явиться на свидание с ними, но тут Рузвельт оказался твердым. Совершенно ясно, что поддержка Платта была для него важнее поддержки «магвамнов». Выбор был сделан им без колебания. «Не было никакой возможности сохранить кандидатуру, если боссы против нее возражали», — оправдывался он в мемуарах²³, объясняя свой очередной компромисс с партийной машиной, компромисс, на который он теперь — после 15 лет политической деятельности — пошел легко, без угрызений совести, мучивших его когда-то, во время конфликта в 1884 г. Но ему пришлось проглотить резкое заявление независимых в газете «Нью-Йорк ивнинг пост»: «Приняв предложение Платта, он (Рузвельт. — И. Б.) становится обычным посетителем коррупции и деморализации. Где же храбрость Сан-Хуана?» — с горечью восклицал автор статьи²⁴.

Однако нападки независимых были сущей мелочью перед внезапно возникшим новым препятствием на пути к выдвижению Рузвельта кандидатом в губернаторы. Налицо оказался «курьезный факт», как выразился Прингл, заключающийся в том, что Рузвельт не только не имеет права на избрание, но даже не может принимать участие в выборах в штате Нью-Йорк²⁵. Конституция штата Нью-Йорк гласила, что к выборам допускаются лица, проживающие в штате не менее пяти лет непосредственно перед выборами. Оказалось, что Рузвельт в январе 1898 г. подал письменное заявление в департамент налогов и обложений, что его местожительством является Вашингтон, а не Нью-Йорк, и на

²² T. Roosevelt to J. J. Chapman, Sept. 22, 1898. — In: *The Letters*, Vol. II, p. 877.

²³ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 277.

²⁴ Цит. по: *The Letters*, Vol. II, Appendix II, p. 1476; *Harbaugh W. H.* Op. cit., p. 111.

²⁵ *Pringle H. F.* Op. cit., p. 203.

этом основании отказался платить личный (подоходный) налог в Нью-Йорке. Мало того, раньше — в августе 1897 г. — он подал такое же заявление в Ойстер-Бее, которым объявлял себя жителем Нью-Йорка, хотя раньше в Ойстер-Бее, где у него был загородный дом, он платил налог и голосовал. Но... денег не хватало, а налог на собственность в Ойстер-Бее был выше, чем личный налог в Нью-Йорке. И Рузвельт попытался уклониться от уплаты сначала налога на собственность в Ойстер-Бее, а потом и от личного налога в Нью-Йорке ²⁶.

Эта некрасивая история была предана гласности противником Рузвельта и сторонником губернатора Блэка Луисом Ф. Пэйном, занимавшим один из самых выгодных постов в штате — суперинтенданта по страхованию. Пэйн явно не надеялся удержаться на своем месте, если Рузвельт будет губернатором. Сначала он пытался уговорить Платта отказаться от мысли о выдвижении Рузвельта. Когда это не удалось, так как у Платта не было выбора, Пэйн пошел на отчаянный шаг: он решил скомпрометировать Рузвельта и выставить на предстоящем съезде повторно кандидатуру Блэка, имя которого связывали со скандальными хищениями при постройке канала Эри. Пэйн связался с соперниками-демократами и с помощью их функционеров получил в свои руки документ, подписанный Рузвельтом, где последний утверждал, что его резиденцией является Вашингтон. Второе письмо (точнее, первое — с отказом от уплаты налога в Ойстер-Бее), к счастью для полковника, осталось неизвестным Пэйну и не было извлечено на свет божий.

Когда Куиг и Оуделл узнали о выходе Пэйна, они бросились к Платту. Но того нелегко было выбить из седла. Если он и проклинал и Пэйна и Рузвельта, то ничем не выдал своего смятения и немедленно велел обратиться к Руту, нью-йоркскому адвокату, принадлежавшему к элите республиканской партии. На политической сцене предвыборной кампании появился еще один персонаж, которому довелось сыграть немалую роль не только в жизни Рузвельта, но и в политической истории США.

В среде «большого бизнеса» И. Рут пользовался огромным авторитетом. Это обстоятельство становится совершенно понятным, если вспомнить, что именно ему, Руту, принадлежит воистину блестящая идея о создании так называемых держательских компаний, позволившая монополиям обходить антитрестовский закон Шермана 1890 г. Прецедент был создан знаменитым Сахарным трестом Хэвмейера, против которого в 1890 г. был возбужден иск за нарушение закона Шермана. После шумевшего процесса Сахарный трест был объявлен незаконным и распущен. Тогда

²⁶ Многие биографы Рузвельта замалчивают этот инцидент, говоря только о триумфальной выборной кампании и победе Рузвельта. Г. Ф. Прингл — один из немногих — рассказывает о попытке Рузвельта избежать уплаты налога (*Pringle H. F. Op. cit.*, p. 203—204).

Хэвмейер обратился за советом к Руту, являвшемуся консультантом его фирмы, и тот придумал гениальный выход: воспользоваться законом штата Нью-Джерси, официально разрешавшим держать в других штатах ответвления банковских и промышленных фирм. Рут предложил создать в Нью-Джерси держательскую компанию с филиалами в других штатах. В результате этой реорганизации через несколько лет трест Хэвмейера под названием «Америкен шугер энд рифайнинг компани» захватил контроль над 98% производства сахара ²⁷.

К республиканской партии Рут присоединился в молодости. С 1869 г. он был членом фешенебельного нью-йоркского клуба «Юнион лиг» (The Union League Club) — цитадели республиканской партии, куда принимались только очень богатые люди. Постепенно он занял прочное место среди верхушки «Великой старой партии», как называли себя республиканцы, и в январе 1898 г. был избран президентом «Юнион лиг». Вот к нему-то и обратились люди Платта по поводу «элиджибилити» или «инэлиджибилити» (eligibility or ineligibility) Рузвельта, т. е. законности или незаконности выставления его кандидатуры в губернаторы. Платт надеялся, что изощренный в юридических сделках Рут найдет выход из щекотливого положения, в каком очутился «герой Сан-Хуана». Сам «герой» был чрезвычайно напуган, так как понимал, что находится на грани публичного скандала, и тоже возлагал все надежды на смекалку Рута. И Рут оправдал свою репутацию способнейшего юриста Нью-Йорка.

Для политических правов Америки весьма характерно, что никто, даже противники, не находили ничего предосудительного или хотя бы странного в том, что человек, который собирался стать губернатором, т. е. блюстителем закона, сам нарушил этот закон, пытаясь уклониться от уплаты налога, предписанного конституцией штата. Всех, в том числе и виновника, волновал один вопрос: как представить дело, чтобы на съезде предотвратить объявление «инэлиджибилити» кандидата.

24 сентября в «Нью-Йорк таймс» появилась заметка, гласившая, что Теодор Рузвельт представлял в налоговое управление города письменное заявление о том, что его резиденцией является Вашингтон, а не Нью-Йорк. Платт решил, что, если понадобится, Рут лично будет выдвигать кандидатуру Рузвельта и, не дожидаясь возражений, обрушится на возможных оппонентов Рузвельта, построив свое выступление на толковании слова «резиденция». Много лет спустя он сам так писал об этом: «Я все просмотрел и пришел к выводу, что все в порядке. Это был вопрос об употреблении слова «резиденция» в одном из нескольких его значений» ²⁸.

²⁷ Leopold R. W. Elihu Root and the Conservative Tradition. Boston, 1954, p. 15—16.

²⁸ Jessup Ph. C. Elihu Root, Vols 1—2. New York, 1938, Vol. 1, p. 199.

Хитроумный юрист предварительно собрал необходимые документы. На свет появилось письмо Рузвельта его кузену Дж. Э. Рузвельту от 31 марта 1898 г., которое гласило: «Я не понимал, что заявление (имеется в виду письменный отказ от уплаты налога в Нью-Йорке.— *И. Б.*) лишит меня не только резиденции в Нью-Йорке, но и права голосовать. Это, без сомнения, было глупостью с моей стороны, и я должен был в сопроводительном письме объяснить более четко, что я не хочу предпринимать никаких шагов, которые бы лишили меня голоса в Нью-Йорке в наступающем году... Могу ли я теперь уплатить там налоги?»²⁹

Съезд республиканской партии штата Нью-Йорк открылся 27 сентября в Саратоге. Рузвельт не был делегатом съезда и ждал результатов дома, в Сагамор-хилле. Накануне съезда Платт и Оуделл использовали все свое влияние, чтобы заставить Блэка и Пэйна не выступать против Рузвельта; им было важно представить, что в организации царит мир. Но Пэйн не шел ни на какие уступки. Тогда Рута и отправили на съезд взамен одного из действительных делегатов для выступления в защиту кандидатуры Рузвельта.

Съезд проходил как по нотам. Появление Платта было встречено громкими приветствиями, оркестр исполнял марш. После слушания отчетов различных комитетов и принятия платформы приступили к выдвижению кандидатов. Первым было названо имя полковника Рузвельта. Не успели стихнуть аплодисменты, как слово получил Рут.

Адвокат корпораций мастерски повел игру. Это была, по свидетельству тех, кто слышал, блестящая речь, в которой с массой подробностей доказывалось, что Рузвельт не виноват, что произошло недоразумение из-за неправильного толкования слова «резиденция». Это слово можно употребить в смысле постоянного местожительства, но можно назвать резиденцией и временное пребывание в том или ином месте в связи со службой или отдыхом. Рут уверял делегатов, что Рузвельт имел в виду именно такое толкование, когда назвал Вашингтон своей резиденцией. В подтверждение он зачитал официальное объяснение Рузвельта, адресованное ему, т. е. Руту, и частные письма полковника Дж. Э. Рузвельту, его поверенному, и Д. Робинсону, мужу его сестры. В том месте, где Рузвельт просит Робинсона помочь ему добиться снижения налога, так как его капитал значительно уменьшился, Рут сделал паузу и подняв глаза, патетически произнес: «Да, уменьшился во время снаряжения полка лихих всадников для защиты его родины!»³⁰ Спустя годы, вспоминая об этом инциденте, Рут самодовольно говорил: «Я перемешал мои

²⁹ T. Roosevelt to J. E. Roosevelt, March 31, 1898.— In: *The Letters*, Vol. II, p. 807.

³⁰ Цит. по: *Jessup Ph. C. Op. cit.*, p. 200.

аргументы известной долей сенсации, и это имело огромный успех»³¹.

Никто не посмел опротестовать кандидатуру Рузвельта, и, хотя Пэйн все же выдвинул Блэка, «герой Сан-Хуана» получил значительный перевес: за него было подано 752 голоса из 990³². Попытка Пэйна и Блэка «восстать» против босса ни к чему не привела. Платт крепко держал в руках всю партийную организацию штата. «Делегаты играли чисто пассивную роль, как аудитория в театре», — писал американский историк Х. Ф. Госнелл в книге о деятельности Платта и партийной машины республиканцев³³.

Как волновался Рузвельт за исход этого дела, можно себе представить из его письма Лоджу накануне съезда, где он писал, что «едва в состоянии есть и спать в течение последней недели»³⁴. Официально дело о неуплате налога было прекращено только 11 октября после того, как Рузвельт через своего адвоката внес в налоговое управление Нью-Йорка сумму своего долга³⁵.

Кампания за избрание Рузвельта открылась митингом в концертном зале Карнеги-холл (Нью-Йорк) 5 октября. Зал был переполнен, и трехтысячная толпа жаждавших увидеть полковника Рузвельта осаждала здание. Ложки были заполнены представителями высшего света. Галереи и сцены украшены флагами и бантами национальных цветов. «Все выглядело как на грандиозном оперном представлении», — писал корреспондент «Нью-Йорк таймс»³⁶.

Когда в зале появился полковник, его встретили бурей аплодисментов и криками: «Тедди, Тедди!» Рузвельт, с детства запрещавший так себя называть, должен был быть терпеливым к «голосу народа». Затем появился отряд «лихих всадников» и в сомкнутом строю промаршировал к сцене. Публика стоя приветствовала их бешеными криками. М. А. Ханна, председатель Национального комитета республиканцев, сидевший в одной из лож, не спускал глаз с полковника Рузвельта. Что он мог думать, какие опасения могли возникнуть у этого старого политика, смотревшего, как толпа рукоплещет восходящему «светилу» политической сцены? По всей вероятности все происходящее ему не нравилось.

³¹ Ibidem.

³² Gosnell H. F. Boss Platt and His New York Machine. Chicago, 1924, p. 108. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала такие цифры: за Рузвельта — 753 голоса, за Блэка — 218 («The New York Times», 28.IX 1898).

³³ Gosnell H. F. Op. cit., p. 108.

³⁴ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Sept. 26, 1898. — In: The Letters, Vol. II, p. 880.

³⁵ «The New York Times», 11.X 1898.

³⁶ «The New York Times», 6.X 1898.

Речь Рузвельта в Карнеги-холле — его первая речь в качестве кандидата в губернаторы, — поразила многих. Прингл саркастически заметил, что «из его выступления было трудно понять, что он баллотируется в губернаторы, а не в президенты»³⁷. Рузвельт говорил на тему «Обязанности великой нации» и все свое красноречие обратил на доказательство любимого тезиса о необходимости для США быть вооруженными до зубов. Только в начале выступления он упомянул, что «эта кампания является кампанией за хорошее правительство», и сказал несколько слов о долге правительства перед народом³⁸. Эти слова были, видимо, обращены к независимым, ратовавшим за реформу. А затем, закусив удила, будущий губернатор понесся вперед, призывая американцев твердо идти по пути экспансионизма.

Он говорил: «В жизни нации, как и в жизни отдельного человека, наступает момент, когда она должна встретиться с великой ответственностью, хочет она того или нет. Мы сейчас приблизились к этому моменту. Мы не можем отрицать, что занимаем новое место среди народов мира и вступили на новую стезю. Мы можем только решить, как — хорошо или плохо — мы поведем себя, следуя по этому пути. Величие означает борьбу — равно для нации и для человека. Не стоит жить, если приятная, легкая жизнь расслабляет мозг, сердце и мускулы. Мы должны дерзнуть стать великими; и мы должны понимать, что величие является плодом труда и жертв, и высокой смелости... Пушки наших кораблей в тропических морях Запада и далекого Востока разбудили нас к познанию нового долга. Наш флаг — это гордый флаг, и он поднят за свободу и цивилизацию»³⁹.

В высокопарных выражениях Рузвельт восхвалял армию и флот, особенно, конечно, флот, и требовал усилить национальную оборону, обратить теперь больше внимания на вооружение и обучение сухопутной армии. «Если мы заранее не подготовимся к войне, — взывал Рузвельт, энергичными взмахами руки подкрепляя каждое слово, — потом другие державы будут нас справедливо презирать»⁴⁰.

Рузвельт закончил свою речь под гром аплодисментов. Митинг превратился в триумф кандидата в губернаторы. Выступавшие после него С. Лоу (президент Колумбийского университета), адвокат Чоати и кандидат в вице-губернаторы Вудрафф не жалели эпитетов для восхваления добродетелей и подвигов полковника «лихих всадников». Под конец открылись двери и толпа хлынула в зал, скандируя имя президента: «Тедди, Тедди!»⁴¹ Так началась кампания по выборам в губернаторы.

³⁷ *Pringle H. F. Op. cit.*, p. 205.

³⁸ «*The New York Times*», 6.X 1898.

³⁹ *Ibidem*.

⁴⁰ *Ibidem*.

⁴¹ *Ibidem*.

Выступление Рузвельта в Карнеги-холле вызвало различные отклики. Друзья и единомышленники одобряли и восхищались. Лодж писал: «Нет никакого сомнения в том, что твоя речь хороша, необыкновенно хороша. Она не поправилась бы здесь маг-вамнам, но каждый республиканец нашего штата был бы ею восхищен»⁴².

Сам Лодж в том же духе, т. е. с проимпериалистических позиций, выступал на съезде республиканской партии Массачусетса. Оба друга стремились к одной цели: мобилизовать общественное мнение в пользу аннексии Филиппинских островов. Именно этот вопрос стоял сейчас перед правительством Маккинли. И деятели типа Лоджа, Рузвельта, адмирала Мэхена опасались, как бы президент с его «чувствительным» сердцем не проявил слабость в решительный момент.

Рузвельт понимал, что, призывая нацию проявить силу, вооружаться и т. п., он рискует голосами независимых. Но выбор был сделан.

Действительно, выступление в Карнеги-холле возмутило антиимпериалистов. Многие из них намеревались голосовать за Рузвельта, но его речь, которую всюду справедливо оценивали как программу республиканцев в начавшейся избирательной кампании, возбудила у этих людей резко отрицательное отношение к возможному избранию губернатором воинственного командира «лихих всадников». Об этом честно, с беспощадной прямоотой заявил К. Шурц, опубликовавший в газете «Нью-Йорк пвнинг пост» открытое письмо редактору с осуждением человека, с которым, по его собственному признанию, его долгое время связывала личная дружба. Это был пелегкий шаг для Шурца, видевшего в Рузвельте талантливого политического деятеля, способного, по его мнению, стать лидером движения за буржуазные реформы. Но империалистические взгляды Рузвельта не только были непримлемы для Шурца, но и вызывали у него страх за судьбы страны, если когда-нибудь во главе нее будет стоять джингонист и империалист. Он осуждал призыв Рузвельта к усилению армии и флота, предупреждая, что вооруженные силы нужны для претворения в жизнь планов дальнейшей экспансии. «Я повторяю, — писал Шурц, — такая программа не ограничится теперешней аннексией Филиппин. Она кажется экстравагантной, но каждый, кто знаком с господином Рузвельтом, знает, что это то, во что он действительно верит и что он принимает ближе всего к сердцу»⁴³.

Шурц в этом письме признавал возможным, что Рузвельт в будущем явится претендентом на президентский пост, и открыто

⁴² H. C. Lodge to T. Roosevelt, Oct. 6, 1898. — In: *Selections from the Correspondence of Theodore Roosevelt and Henry Cabot Lodge*, 2 Vls. New York — London, 1925, Vol. I, p. 352.

⁴³ Schurz C. *Speeches, Correspondence and Political Papers of Carl Schurz*, 6 Vls. New York, 1969, Vol. V, p. 523.

выражал опасения, как бы избрание его губернатором не послужило прямой ступенью к выдвижению в президенты полковника «слихих всадинок». Отдавая должное его храбрости, Шурц писал, что готов доверить ему командование армией во время войны. «Но,— продолжал он,— я не предоставил бы ему положение и не открыл бы ему путь к положению, при котором он сможет оказывать влияние на внешнюю политику республики...»⁴⁴ В заключение он повторял, что не может поддержать полковника с его «чрезвычайными идеями вопиющего империализма». В глазах Шурца — империализм столь же пагубен для страны, как пагубно в свое время было рабство⁴⁵.

Резкое осуждение Шурцем кандидатуры Рузвельта и его экспансионистских взглядов могло раздосадовать республиканского кандидата, но никак не остановить и не отрезвить. Он прекрасно понимал, что весьма нуждается в голосе каждого независимого, что ему была бы очень кстати поддержка Шурца, что открытое выступление Шурца принесет ему вред. Но отступить не собирался.

Шансы Рузвельта на избрание губернатором были не очень велики. Надо признать, что он умел трезво оценивать обстановку и не питал особых иллюзий, но с тем большей энергией собирался бороться⁴⁶. Платт в данном случае проявил дальновидность и постоянное политическое чутье, когда, скрепя сердце, согласился выдвинуть Рузвельта с его репутацией реформатора, героя и человека неподкупного. Два последних губернатора-республиканца Мортон (1895—1896) и Блэк (1897—1898) совершенно скомпрометировали себя. Мортон — безоговорочным подчинением боссам своей партии, а Блэк — нежеланием расследовать обстоятельства расхищения общественных средств, выделенных штатом на строительство канала Эри. В этих условиях Крокер имел основания надеяться, что Таммани удастся провести своего кандидата. Им был выдвинут О. Вап Уик, бывший мэр Нью-Йорка. Это был сильный соперник Рузвельта сам по себе, не говоря уж о том, что босс Таммани располагал большими средствами на избирательную кампанию.

Правда, Платт тоже раздобыл денег, лично отправившись на Уолл-стрит собирать взносы «в избирательный фонд Тедди»; последний, по его словам, заупрямился и сказал, что не может де-

⁴⁴ Schurz C. Op. cit., p. 525.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Рузвельт писал в середине октября следующее о своих шансах: «Результат таков, что у меня не совсем приятная кампания. Возможно, что я еще одержу победу, и я собираюсь сделать все, что можно..., но среди республиканцев наблюдается апатия, а что касается независимых и демократов, то их чувства определено на стороне Крокера: они меня принимают, как хорошего солдата, но будут голосовать против меня, как губернатора» (T. Roosevelt to H. C. Lodge, Oct., 16, 1898.— In: The Letters, Vol. II, p. 886).

лать это сам. Первым в списке Платта стояло имя Дж. П. Мор-
гана⁴⁷.

Начиная с 17 октября и до дня выборов Рузвельт на специаль-
ном поезде колесил по штату, останавливаясь и в больших горо-
дах и на маленьких станциях, иногда на пару часов, иногда даже
на несколько минут. Таким образом он посетил 110 мест, не
считая Нью-Йорка, и произнесил в день иногда до 15 речей!
Он вел предвыборную кампанию в бешеном темпе, обещал изби-
рателям «честное и храброе правительство». Он умело избегал воп-
роса о махинациях на строительстве канала Эри и говорил в ос-
новном о себе. В последнем ему помогал эскорт из нескольких
бывших «лихих всадников», задававших на митингах в подходя-
щую минуту вопросы о сражении на Кубе и даже произносив-
ших краткие спичи на тему «Как Тедди вел нас в бой». Это
производило эффект.

По свидетельству современников, тем, кто слушал Рузвельта,
он казался таким искренним и доброжелательным, веселым и
жизнерадостным, энергичным и смелым. Часто его речь была бес-
содержательной, но слушателей,— а это в основном были мелкие
буржуа городов и фермеры, он привлекал. Рузвельт действитель-
но обладал большим личным обаянием. Пожалуй, больше ничем
нельзя объяснить, что такие бескомпромиссные люди с прогрес-
сивными взглядами, как Шурц, Чэпмен, Стеффенс, несмотря ни
на что, оставались его друзьями, хотя знали, как часто он пре-
давал их по той или иной причине, и понимали, что в общем-
то особенно доверять ему нельзя. И все же подавляющее боль-
шинство независимых республиканцев проголосовало за Рузвель-
та. Независимые мотивировали свои действия убеждением, «что
он не будет подчиняться диктату партийной машины»⁴⁸. Час-
тично, как мы увидим дальше, они оказались правы, но только
частично.

8 ноября 1898 г. все волнения наконец разрешились. Руз-
вельт был избран губернатором, хотя перевес в голосах в пользу
республиканского губернатора был не так уж велик: всего
17 794 голоса по сравнению с выборами 1896 г., когда Блэк
получил большинство почти в 213 тыс.⁴⁹ Это выглядело оскор-
бительно для самолюбия полковника, откровенно заявившего, что
он ожидал большего⁵⁰. Но через две-три недели Рузвельт уже
забыл об этой неприятности и упивался победой. О его способ-
ности отбрасывать от себя все, что ему неприятно, и любоваться
собственной персоной можно судить по следующим отрывкам из
его письма после выборов: «Мне пришлось вынести тяжелую пошу
скандалов как со стороны национальной администрации, так и в
штате; а выступали против меня профессионалы-независимые,

⁴⁷ Platt T. C. Op. cit., p. 537—538.

⁴⁸ Chessman G. W. Op. cit., p. 69.

⁴⁹ Gosnell H. F. Op. cit., p. 140.

⁵⁰ «The New York Times», 10.XI 1898.

как Карл Шурц, Годкин, Паркхерст, и идиотские разновидности простаков (Goo — Goos)⁵¹ потому, что они отрицательно относились к тому, что я был за войну с Испанией, частично из-за того, что боялись, что кто-нибудь, кто им не нравится, может проголосовать за меня. Однако мы откололи от них агрессивных и заполучили очень много не только собственно независимых, но и независимых демократов, и после очень упорной, тяжелой борьбы мы победили»⁵². В другом письме, хвастаясь победой, Рузвельт не делает различий между всеми своими недругами: «Я был в восторге раздавить Крокера и Карла Шурца, д-ра Паркхерста и Деверн, Годкина, Оттендорфера, Пулитцера и Херста: самых продажных политиканов в республиканских рядах, глупых простаков и чрезвычайно мощную машину Таммани-холл. Крупные корпорации также собрали гигантский фонд для подкупа в пользу моих оппонентов»⁵³. Разумеется, он не вспоминал о тех, у кого Платт брал деньги для его избирательного фонда.

Страсти после выборов улеглись не сразу. Еще некоторое время Крокер и его компания продолжали говорить о незаконности избрания Рузвельта, но получили в ответ категорическое утверждение, что этот вопрос уже окончательно решен⁵⁴.

Вновь избранный губернатор приступает к своим обязанностям с Нового года. Остававшиеся до вступления два месяца полковник делил между радостями семейной жизни в Сагамор-хилле и интенсивной деятельностью. Он выезжал в Бостон, Нью-Йорк и другие города штата для выступлений с лекциями, несколько раз встречался с Платтом, Оуделлом и прочими видными функционерами в отеле «Пятая авеню» по вопросам партийной политики и будущих назначений, выступал с речами на банкетах, дававшихся в его честь. Речи Рузвельта на банкетах вполне уже могли насторожить Платта, так как полковник обещал сражаться с негодями обеих партий, призывал общественность помочь ему в этом. «Вы знаете,— говорил он на банкете в Нью-Йорке 29 ноября,— что демократические и республиканские мошенники должны быть наказаны. Помогите мне это сделать». Комментатор «Нэйшн» по этому поводу заметил не без иронии: «Если губернатор Рузвельт сможет успешно проводить такую политику, штат оправдает свое торжество»⁵⁵.

В последний день 1898 г. полковник Рузвельт прибыл в столицу штата Нью-Йорк — Олбани. Вступление нового губернатора в должность напоминает процедуру вступления в должность президента США. Прежде всего губернатора приводят к присяге. По

⁵¹ В тексте игра слов: Goo-Goos — ироническое прозвище либералов, требовавших хорошего правительства — Good Government, отсюда Goo-Goos, а goose по-английски «гусь» и «дурак», «простак».

⁵² T. Roosevelt to J. Bryce, Nov. 25, 1898. — In: The Letters, Vol. II, p. 889.

⁵³ T. Roosevelt to W. D. Foulke, Nov.—, 1898. — In: The Letters, Vol. II, p. 890.

⁵⁴ «The New York Times», 11.XI 1898.

⁵⁵ «The Nation», 1898, Dec. 1, p. 403.

традиции эта церемония должна происходить 1 января. Но 1 января в тот год приходилось в воскресенье. Ожидать двое суток! Рузвельт в этот же день отправился в здание Капитолия штата и там в присутствии нескольких человек из старого и нового кабинета выслушал текст, сказал требуемое «да» и поставил свою подпись⁵⁶. Экс-губернатор Блэк не присутствовал. 2 января в ассамблее состоялась торжественная передача полномочий губернатором Блэком новому губернатору, после чего Рузвельт произнес вступительную речь, предварительно согласованную с лидерами.

Итак, Теодор Рузвельт стал губернатором, но уже тогда он мечтал стать президентом, о чем впоследствии вспоминал его первый друг, журналист и писатель У. А. Уайт⁵⁷. Пока же Рузвельт собирался показать, чего он стоит и в этой роли. Правда, четкой программы у нового губернатора не было, но были энергия и желание действовать. Он знал, что ему предстоит распутать сложное дело со строительством канала Эри, где при его предшественнике были допущены вопиющие злоупотребления, казнокрадство и взяточничество. Он должен был заниматься назначениями чиновников, рабочим вопросом, благоустройством штата, тюрьмами, образованием, милицией, налогами штата и пр., и пр.

В своем первом послании законодательному собранию, представленном в день открытия очередной сессии собрания, 4 января 1899 г., губернатор коснулся всех этих вопросов в той или иной мере, стараясь наглядно показать, что он уже в курсе насущных интересов штата. В этом послании рабочему вопросу уделялось довольно много места. Новый губернатор, видимо, хотел выглядеть беспристрастным арбитром в отношениях труда и капитала, подчеркнув, что законодательство по рабочему вопросу, если оно будет умно разработано, послужит на пользу и рабочим и предпринимателям⁵⁸. Он обращал внимание законодателей также на важный вопрос налогообложения, хотя в этом первом послании не сказал конкретно, что вскоре собирается предложить легислатуре билль об обложении налогом привилегий, получаемых корпорациями. В целом послание выглядело вполне умеренно и не вызвало никаких возражений со стороны партийных лидеров.

Губернатор — первое лицо штата, его хозяин на два года, но рядом с ним находится законодательное собрание, которое конт-

⁵⁶ «The New York Times», 1.I 1899.

⁵⁷ Уайт писал в «Автобиографии»: «Он не хотел быть губернатором Нью-Йорка. Он хотел быть президентом Соединенных Штатов. Конечно, я надеялся, что он будет президентом, и я видел, как нью-йоркские политики возвысили его в 1898 г. и сделали губернатором в значительной мере против его желания. Но он скромно уступил... Он знал, что Маккилли имеет право на свой второй срок, но даже в 1899 г. мы строили планы на 1904 г.» (White W. A. Autobiography. New York, 1946, p. 327).

⁵⁸ «The New York Times», 5.I 1899.

ролируется партийной машиной — республиканской или демократической — в зависимости от результатов выборов. В 1899 г. в верхней палате собрания — сенате республиканцы имели совсем незначительное большинство (шесть человек), и исход голосования часто зависел от позиции сенаторов — демократов и республиканцев, фрондирующих против своего руководства. В ассамблее республиканцы располагали прочным большинством (25 человек), подчинявшимся партийной машине, а ею из Вашингтона руководил сенатор Платт, без которого, по джентльменскому соглашению перед выборами, Рузвельт не должен был ничего предпринимать.

Верный своему принципу ни под каким видом не порывать с партией и в то же время убежденный в необходимости проведения некоторых реформ по упорядочению администрации, по борьбе с коррупцией, введению начатков социального законодательства, Рузвельт оказался в сложном положении. Его трудности усугублялись тем, что сам он по характеру был властный, упрямый, не терпящий возражений. В Олбани же в роли губернатора ему предстояло пройти школу гибкости и терпения, согласовывая с боссом свои решения. «В республиканской организации штата Нью-Йорк, — писал Рузвельт, — сенатор США Платт был абсолютным боссом республиканской партии. За ним стоял большой бизнес; но в то время это наиболее важное обстоятельство, объясняющее его влияние, не вполне всеми понималось. Я сам разобрался в нем только после того, как был избран губернатором»⁵⁹.

Контакт нового губернатора с боссом осуществлялся совершенно открыто; Рузвельт решил не делать тайны из своих еженедельных воскресных поездок в Нью-Йорк на свидание с Платтом, приезжавшим туда из Вашингтона. В рабочие дни к Рузвельту приезжал Оуделл в качестве доверенного лица Платта. В первое же воскресенье января в доме на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке у Анны Каулс, старшей сестры Рузвельта, состоялась первая встреча. На ней, кроме губернатора и Платта, присутствовали Оуделл и Рут (последний по личному приглашению Рузвельта). Рузвельт явно старался завоевать расположение Рута.

Об этом завтраке с Платтом газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Губернатор не испугался крика из-за того, что он нарушает все прецеденты своей поездкой в Нью-Йорк для консультации с политическими деятелями... Он собирается часто совершать такие поездки»⁶⁰. Враждебные Рузвельту газеты называли эти встречи «завтраками с дьяволом» и в продолжение всех двух лет, которые полковник провел в Олбани, поносили его, как могли. В основном это относится к демократической прессе, так как независимые издатели оказались более лояльными. Даже Годкин («Нэйшн»)

⁵⁹ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 274.

⁶⁰ «The New York Times», 7.I 1899.

не только не затрагивал эту тему, но сдержанно похваливал губернатора за первые попытки самостоятельных действий. Рузвельт игнорировал как похвалы независимых, так и насмешки демократов, предлагавших в конце недели вывешивать на дверях его кабинета объявление: «Закрыто, уехал в Нью-Йорк повидаться с Платтом»⁶¹. Губернатора интересовали лишь его отношения с партийным руководством, поэтому он держался с Платтом подчеркнуто вежливо, понимая, что не достигнет успеха ни в каком начинании, если пойдет на открытый конфликт с партийной машиной. В свою очередь и Платт, оправдывая свое прозвище «Легкого босса», предпочитал сохранять с губернатором приличные отношения. Тем не менее предлогов для обоюдного недовольства оказалось достаточно.

Одним из поводов для конфликта был отказ Рузвельта безоговорочно назначать на выгодные должности лиц, рекомендуемых Платтом. Это не означало, что новый губернатор собирался раздавать посты только прогрессивно настроенным республиканцам. Но, как человек умный и имеющий длительный опыт административной работы, Рузвельт старался выбирать людей по деловым качествам, а это не всегда отвечало намерениям Платта, не прощавшего никакого «самовольства». В первые дни после водворения в Олбани Рузвельт назначил на пост генерал-адъютанта национальной гвардии штата подполковника волонтерских войск Э. Д. Эндрюса, принадлежавшего к независимым демократам. Пресса тут же заметила решимость губернатора выдвигать наиболее способных людей, «не обращая внимания, правится это или нет партийным боссам»⁶². Платту это не понравилось, но он промолчал. Однако дальше дела пошли хуже.

Через несколько дней Рузвельт отстранил от должности суперинтенданта (управляющего) по общественным работам Дж. Олдриджа и предложил соответствующим органам заняться расследованием преступных злоупотреблений суперинтенданта, руководившего строительством канала Эри, сооружавшегося на средства штата. Платт не мог протестовать против увольнения Олдриджа, которого открыто обвиняли в хищении казенных денег, но хотел поставить на это место человека по своему выбору и без ведома губернатора предложил пост некоему Ф. Гендриксу. Однако, когда во время очередного завтрака босс сказал губернатору, что назначил нового суперинтенданта по общественным работам, он услышал вежливый, но твердый отказ подтвердить назначение Гендрикса. В виде компромисса Рузвельт предложил Платту на выбор четыре кандидатуры, и «Легкому боссу» пришлось согласиться с назначением полковника Патриджа. Рузвельт очень хвастался этими маленькими победами, и писал позднее: «...Необходимо было с самого начала дать понять

⁶¹ Chessman G. W. Op. cit., p. 76.

⁶² «The Nation», 1899, Jan. 5, p. 2.

что это было мое правление, и ничье больше, только мое»⁶³. Заявление громкое, но, необходимо сказать, не точно отражавшее действительную расстановку сил. Плэтт тоже считал себя хозяином, и, вынужденный иногда уступать, брал реванш в других случаях, а кроме того, накапливал в душе раздражение против несговорчивого губернатора.

Заняв пост губернатора, Рузвельт хотел претворить в жизнь свои взгляды на роль исполнительной власти, т. е. правительства. Уже тогда он считал, что деятельность администрации, а не законодательного органа должна быть основой правительства⁶⁴. А отсюда он делал вывод о вмешательстве правительства в экономику, контроле государства над корпорациями, о социальном законодательстве, т. е. регулировании государством социально-экономических отношений, отказе от принципа *laissez faire*. Первыми творцами этой доктрины в Америке были профессор политической экономии Р. Эли и социолог Л. Уорд⁶⁵. Однако их теоретические работы не были поняты большинством представителей господствующего класса, усматривавших в доктрине не беспокойство за судьбу капитализма, как это было на самом деле, а радикальные нападки на капиталистический строй. Рузвельт же относился к просвещенному меньшинству. Он был знаком с трудами Эли, Кидда и других экономистов и даже приглашал для консультации профессора Эли, когда столкнулся с проблемой налогового обложения корпораций. В американской литературе принято считать, что закон о налоговом обложении привилегий, предоставляемых штатом корпорациям, был главным и «блестящим» достижением его политики в штате Нью-Йорк. Посмотрим, что произошло в действительности.

Принятию в мае 1899 г. упомянутого закона предшествовала длительная борьба, в которой Рузвельт, хотя и поддерживавший эту меру, сыграл не очень красивую роль, пытаясь одновременно служить богу и маммоне, т. е. провести билль и не разорвать с партийной машиной.

История была такова. 25 января 1899 г. сенатор штата Дж. Форд представил билль о пересмотре налогового обложения корпораций, в который был включен пункт о том, что положение о «налогах распространяется на права и привилегии корпораций», т. е. привилегии рассматриваются как реальная собственность корпораций, и устанавливается процедура обложения налогом корпораций, которые получили на них право (привилегиями пользовались компании, владевшие трамвайным транспортом, водопроводом и канализацией, телеграфные компании). К рассматриваемому времени подобные налоги уже были введены в штатах Коннектикут и Пенсильвания.

⁶³ *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 285.

⁶⁴ *Blum J. M. Op. cit.*, p. 17.

⁶⁵ См.: *Согрин В. В. Истоки современной буржуазной идеологии в США*. М., 1975, гл. 1.

Платт и его приспешники сначала не вмешивались в обсуждение законопроекта, видимо, надеясь, что сенат провалит билль. Рузвельт, не касавшийся в первом послании собранию вопроса об обложении налогом привилегий, когда билль был представлен, заинтересовался им и, по словам Форда, не раз говорил, что полностью согласен с положениями законопроекта⁶⁶. Слова Форда подтверждаются письмом Рузвельта Полю Дэйна, где сказано: «Я склонен думать, что билль Форда хорош... Я подпишу билль с радостью, если он ко мне поступит»⁶⁷. Однако, когда стало ясно, что этот законопроект имеет шанс на утверждение, «большой бизнес» и боссы штата зашевелились; сначала через Оуделла, а затем и на очередном совместном завтраке в Нью-Йорке 25 марта Платт заявил, что билль требует еще дополнительной работы над ним, а несколько позднее назвал в письме губернатору этот законопроект «радикальным законодательством» и «чрезвычайной уступкой брайаннизму»⁶⁸.

Вернувшись в Олбани после свидания с Платтом, Рузвельт неожиданно направил в легислатуру послание с предложением создать объединенный комитет для дальнейшей работы над биллем с представлением его в следующую сессию⁶⁹. Общественность, как и следовало ожидать, восприняла это послание как желание губернатора воспрепятствовать утверждению билля Форда, хотя Рузвельт и отрицал что-либо подобное⁷⁰. Но, очевидно, в тот момент (в конце марта) он еще сам для себя четко не решил, вступать ли ему в конфликт с боссом и корпорациями из-за налога на привилегии.

Платт же был настолько обеспокоен возможностью утверждения этого билля, что не вернулся в Вашингтон, а 28 марта явился в Олбани. Рузвельт устроил в губернаторском доме прием боссу и Оуделлу с супругой, вызвав возмущение даже среди лояльных республиканцев. «Ни один из платтовских губернаторов, — писал Форд в 1931 г., — никогда открыто не являлся ни с главным боссом, ни с его подручными... Но Рузвельт осмелился пригласить его в резиденцию губернатора и свободно общался с Платтом и официально, и неофициально»⁷¹.

Вокруг билля завязалась партийная борьба и неожиданно для

⁶⁶ Ford J. Mr. Roosevelt's Feet of Clay.— «Current History». 1931, August, Vol. 5, p. 681. В этой статье бывший сенатор штата Нью-Йорк Форд излагает свою версию об истории «билля Форда» и сообщает свои наблюдения об отношениях Рузвельта и Платта в 1899—1900 гг.

⁶⁷ T. Roosevelt to P. Dana, Apr. 7, 1899.— In: The Letters, Vol. II, p. 982.

⁶⁸ Chessman G. W. Op. cit., p. 138.

⁶⁹ «The New York Times», 28.III 1899.

⁷⁰ В письме Дж. Слейчеру, редактору еженедельника «Леслиз уикли», поборнику гражданской реформы, Рузвельт старался оправдать свои действия, назвав «глупыми» и «абсурдными» предположения, что он хочет провалить билль Форда (T. Roosevelt to J. A. Sleicher, Apr. 6, 1899.— In: The Letters, Vol. II, p. 981).

⁷¹ Ford J. Op. cit., p. 681.

Платта и Оуделла сенат его вотировал. Но в ассамблее борьба разгорелась с новой силой. Демократы поддерживали Форда, а коллеги-республиканцы во главе со спикером Никсоном тормовили дело. Губернатор же, разобравшись наконец в том, какую большую сумму даст казне налог на привилегии, начал энергично проталкивать билль.

Уже кончался апрель, сессия законодательного собрания шла к концу. Накануне закрытия, 27 апреля, Рузвельт направил спикеру письмо для оглашения в ассамблее с требованием принять билль до закрытия сессии. Разозленный Никсон показал письмо лидеру республиканской фракции, и тот, вспылив, порвал письмо губернатора. Рузвельт узнал об этом в 7 часов утра на следующий день. В 8 часов утра он был уже в Капитолии штата, и его личный секретарь вручил спикеру новое послание, а на словах Рузвельт велел передать спикеру, что, если оно не будет сразу же зачитано, он — губернатор — лично явится в ассамблею и прочтет его ⁷².

Это был настоящий скандал, и спикер сдался. Билль поставили на голосование. При активной поддержке демократов, объявивших билль Форда партийной мерой, он был утвержден палатой большинством в 104 голоса против 38 ⁷³. Сообщая об этом на первой странице, газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Мало олбанских ветеранов могут припомнить столь напряженные и драматические сцены, какими сопровождалось прохождение билля. Утверждение билля оценивается как результат усилий губернатора Рузвельта и как его огромная личная победа не над оппозиционной партией, ибо демократы благоволили к биллю с самого начала, но над организованным руководством его собственной партии». Репортаж заканчивался предсказанием, что прекрасная политика губернатора «сделает его самым популярным человеком в штате и намного увеличит возможность его избрания президентом» ⁷⁴.

Лестные панегирики прессы в адрес Рузвельта не нравились партийным боссам республиканцев, и Рузвельту, как бы они ни тешили его тщеславие, было над чем задуматься — ведь он знал истинное отношение к нему Платта. Все ожидали, что губернатор незамедлительно подпишет билль, но Рузвельт этого не сделал, хотя обещал Форду утвердить законопроект ⁷⁵.

Испытывая, с одной стороны, нажим партийной машины, а с другой — общественности, не желая полностью подчиниться Платту и в то же время не желая обострять с ним отношения, Рузвельт сумел выпутаться из этой трудной ситуации. Он тянул с утверждением билля, используя его, как «дубинку», которой он

⁷² *Roosevelt T. An Autobiography*, p. 302.

⁷³ «The New York Times», 29.IV 1899.

⁷⁴ *Ibidem*.

⁷⁵ *Ford J. Op. cit.*, p. 683.

размахивал перед Платтом. В его распоряжении было 30 дней со дня закрытия сессии, в течение которых он мог подписать билль или наложить на него вето. Он не сделал ни того, ни другого.

В первые дни после закрытия сессии легислатуры губернатор или уезжал с семьей в окрестности Олбани, или занимался текущими делами, рассматривая и подписывая другие «тридцатидневные» билли, но не билль Форда. Он не ездил в Нью-Йорк на свидания с Платтом, но они обменялись письмами, в которых — особенно в письме Платта — сквозило назревшее раздражение.

В письме Рузвельту Платт вспоминал, как он еще перед выдвижением Рузвельта в губернаторы опасался его «импульсивного характера», но не думал, что опасность будет так велика. Платт выражал недовольство взглядами губернатора на отношения между трудом и капиталом, на тресты и корпорации; он дошел до того, что сравнивал его взгляды со взглядами...популистов. И в конце письма предупреждал, что утверждение билля Форда «отдаст Нью-Йорк в 1900 г. демократической партии» ⁷⁶.

На все эти обвинения Рузвельт ответил не менее пространным письмом. Разумеется, он отводил обвинения в приверженности популизму и соглашался со всем, что писал Платт в адрес брайанизма и популизма. В этом он был искренен. Но он показал себя уже в то время более дальновидным политиком, указывая на ответственность, которую несет крупный капитал за возбуждение в массах недовольства против корпораций. Он считал, что нельзя закрывать на это глаза. «Я не верю, — писал Рузвельт, — что для нас, как для партии, будет мудро и безопасно искать спасение только в отрицании зла и сказать, что не существует никакого зла, какое следовало бы искоренить. Мне кажется, нам следует покончить со злоупотреблениями и тем самым показать, что в то время, как популисты, социалисты и прочие в действительности вовсе не исправляют зло, ...республиканцы, наоборот, поддерживают беспристрастное равновесие и также решительно действуют против вредного влияния корпораций, с одной стороны, как и против демагогии и правления черни, — с другой» ⁷⁷.

Рузвельт опасался потери влияния республиканцев в Нью-Йорке, но смотрел на эту перспективу с прямо противоположной стороны, нежели Платт. Он боялся возмущения широких масс населения, если легислатура откажется от возможности заставить корпорации, «когда они получают огромные прибыли и кучу денег, уплатить их долю общественного долга» ⁷⁸. При этом губернатор тут же хвалился своими решительными действиями

⁷⁶ Цит. по: The Letters, Vol. II, p. 1004, note 1.

⁷⁷ T. Roosevelt to T. C. Platt, May 8, 1899.— In: The Letters, Vol. II, p. 1005.

⁷⁸ Ibidem.

против бастующих рабочих, напоминая, что он послал части национальной гвардии в Буффало с целью прекратить забастовку. После этого он перешел к биллю Форда, убеждая, что это ни в коем случае не революционное мероприятие, в чем он был, безусловно, прав. Он писал о том, что в Коннектикуте с корпораций уже много лет взимается налог на привилегии по системе, сходной с биллем Форда, несколько иная форма обложения принята в Пенсильвании, а в Великобритании эти налоги гораздо более тяжелые. И снова подчеркивал, что эта мера имеет превентивное значение в смысле предотвращения мятежей, подобно тем, что произошли в Детройте, Толидо и Чикаго. (Подразумевались, видимо, стачки рабочих в этих городах.) «Я думаю,— продолжал губернатор,— что нам следовало бы быть осторожнее в действиях, которые могут вызвать такое восстание»⁷⁹.

Возвращаясь вновь к вопросу о законопроекте Форда, Рузвельт признавался, что не все в нем ему нравится; в частности, он полагал, что взимание налога должно производиться не местными властями, а администрацией штата. А затем предлагал созвать экстренную сессию законодательного собрания и выработать новый налоговый закон по обложению привилегий корпораций или хотя бы поправку к биллю Форда.

Через несколько дней к Платту поехали республиканские лидеры сената и палаты советоваться как быть с упрямым губернатором⁸⁰. Рузвельт знал об этом и отправил боссу еще одно письмо, где опять предлагал созвать экстренную сессию, а в конце недвусмысленно угрожал: «Конечно, всем следует понять и я скажу в послании, что я подпишу имеющийся билль, если новый билль, содержащий вышеозначенные изменения, не пройдет»⁸¹.

В Олбани распространились слухи, что губернатор собирается созвать новую сессию. Этому способствовал сам Рузвельт. С первых же дней водворения в Олбани он завел новый обычай. ежедневно принимал репортеров и сообщал им то, что находил нужным, т. е. проводил, как теперь называют, пресс-конференцию. Эти встречи с репортерами, наверное, доставляли губернатору немало удовольствия: во время конференций говорил он один, слушатели прилежно записывали каждое его слово. В эти дни, между 12 и 17 мая, его заявления, что он еще не решил, созывать ли экстренную сессию легислатуры для обсуждения билля Форда, что он ожидает известий из Нью-Йорка и, если они будут неблагоприятны, он подпишет билль⁸², держали в напряжении партийных лидеров. Оуделл метался между Нью-Йорком и Олбани, добиваясь согласия обеих сторон пойти на

⁷⁹ T. Roosevelt to T. C. Platt, May 8, 1899.— In: The Letters, Vol. II, p. 1005—1006 etc.

⁸⁰ «The New York Times», 12.V 1899.

⁸¹ T. Roosevelt to T. C. Platt, May 12, 1899.— In: The Letters, Vol. II, p. 1011.

⁸² «The New York Times», 17.V 1899.

уступки. Наконец договоренность была достигнута и созыв экстренной сессии объявлен на 22 мая⁸³.

Отдав распоряжение о созыве сессии, Рузвельт еще раз напомнил одному из сенаторов штата, какова его позиция: «Я держу билль Форда о привилегиях для сохранности в сокровенном тайнике. Если попробуют валять дурака, я его сразу подлишу, и если они проведут какой-нибудь билль о налоге на привилегии, с которым я не соглашусь, я подпишу существующий билль»⁸⁴.

Рузвельту не пришлось приводить в исполнение свою угрозу. Законодательное собрание утвердило новый билль с поправкой к биллю Форда; он устраивал и губернатора и боссов, и с ним согласились корпорации. Проект был составлен группой нью-йоркских адвокатов, в которую входил Фрэнк Платт, сын старого босса⁸⁵. Рузвельт хвастался, что он заставил-таки партийных боссов и корпорации принять те добавления, которые он им предписал, так как «билль Форда в моих руках сделал меня полным хозяином положения»⁸⁶. Он тотчас подписал новый билль, без стеснения нарушив данное им ранее Форду обещание о том, что именно его билль будет утвержден. Вместо этого губернатор использовал билль Форда как средство нажима на Платта. Платту пришлось согласиться на компромисс, но этот инцидент не был им забыт.

Принятый в конце концов закон о налогах на привилегии увидел свет в урезанном виде, но все же он в какой-то мере ставил вопрос о контроле над доходами корпораций со стороны администрации штата⁸⁷. Однако настойчивость, проявленная Рузвельтом во время выработки налога на привилегии, так же как и громкие заявления о социальном законодательстве, отнюдь не означали его «полевения». Очень удачно определил позицию губернатора его биограф Г. Ф. Приггл, остроумно отметив, что Рузвельт «стоял близко к центру, показывая зубы консерваторам справа и крайним левым либералам... Он выглядел радикалом, потому что его рычание было таким громким»⁸⁸. Это «громкое рычание» казалось опасным консерваторам типа Платта и М. А. Ханна, но не могло внушить доверия рабочим и социалистам.

Позиция Рузвельта по рабочему вопросу была им изложена в статье «Как не помогать нашему бедному брату», помещенной

⁸³ «The New York Times», 18.V 1899.

⁸⁴ T. Roosevelt to F. W. Higgins, May 17, 1899.— In: The Letters, Vol. II, 1013.

⁸⁵ Ford J. Op. cit., p. 683.

⁸⁶ T. Roosevelt to H. C. Lodge, May 27, 1899.— In: The Letters, Vol. II, p. 1017.

⁸⁷ Дальнейшая судьба закона была такова: корпорации штата отказались платить налоги на привилегии и подали в суд, объявив закон неконституционным. Только в начале 1900-х годов Верховный суд отклонил жалобу и признал закон (Roosevelt T. An Autobiography, p. 304).

⁸⁸ Pringle H. F. Op. cit., p. 208.

в январском номере «Ревью оф ревью» за 1897 г. При существующем развитии индустриального общества, писал Рузвельт, неизбежно вмешательство государства во взаимоотношения между предпринимателями и рабочими. «Бедный брат» нуждается в помощи, но не должен сам добиваться улучшения своего положения. Социалистов, стремившихся пробудить сознание рабочего класса и призывавших к сплочению и объединению пролетариев, Рузвельт называл «демагогами». В его глазах их пропаганда была напугающим грехом и приносила только вред. «Самый страшный враг бедного человека,— утверждал Рузвельт,— это рабочий лидер»⁸⁹. Его следовало обезвредить, перетянув на свою сторону. Такую тактику он пытался проводить, когда стал губернатором.

Как видим, в зрелом возрасте, серьезно обеспокоенный недовольством народных масс, Рузвельт пришел к мысли о необходимости реформаторства сверху в целях сглаживания социальных конфликтов и обезвреживания социалистических идей, распространение которых к концу века, по его мнению, приняло угрожающий для существующего порядка характер. Встревоженный обострением отношений между предпринимателями и рабочими, он полагал, пишет Хервитц, что «его долг заклеить классовую войну и постараться устранить ее причины», хотя он и отрицал марксистское понятие классовой борьбы и не хотел признавать, что американские рабочие принадлежат к классу пролетариев⁹⁰. В своих выступлениях в период губернаторства он настойчиво обращал внимание имущих классов на опасность для всей страны недовольства со стороны рабочих и фермеров и даже признавал, что если и не полностью, то частично «возмущение против богатства...имеет основанием действительное зло»⁹¹.

Свидетельством того, что отношения между трудом и капиталом уже тогда затрагивали Рузвельта-политика, является его частная переписка, мысли, высказанные не для публики, размышления, которыми он делился с друзьями. Летом 1899 г. он писал лорду Спринг Райсу: «Но мы должны также решать страшные проблемы на пути отношений между трудом и капиталом. Я убежден, что в предстоящие пятьдесят лет нам придется уделять гораздо больше внимания этому вопросу, чем экспансии; как экспансионист я верю, что мы можем ее продолжить и утвердить свое место среди наций мира, но, занимаясь внешними проблемами, мы ни в коем случае не должны пренебрегать вопросами нашего внутреннего управления»⁹².

⁸⁹ *Roosevelt T. American Ideals and Other Essays, Social and Political.* New York and London, 1902, p. 212.

⁹⁰ *Hurwitz H. L. Op. cit., p. 261.*

⁹¹ *Ibid., p. 263.*

⁹² T. Roosevelt to C. Spring Rice, Aug. 11, 1899.— In: *The Letters, Vol. II.* p. 1053.

Это письмо Рузвельта объясняет, почему он действительно много занимался рабочим вопросом, особенно в первый год своего губернаторства. Во вступительной речи он даже употребил термин «антагонистические интересы», имея в виду отношения рабочих и работодателей (правда, смягчив их определением «кажущиеся») ⁹³. Во всяком случае, признав важность рабочего вопроса, Рузвельт-губернатор прилагал усилия для его разрешения или, скорее, смягчения таким образом, какой он находил правильным и безопасным для сохранения основ существующего порядка, т. е. путем реформаторства, путем проведения законодательных мер по урегулированию трений между враждующими классами. Вот почему, не будучи другом рабочего класса, губернатор в первом же послании законодательному собранию уделил много места рабочему вопросу и обещал рабочим широкое социальное законодательство.

Обещания губернатора были одобрительно восприняты лидерами некоторых профсоюзов, пишет Хервитц, но многие рабочие отнеслись критически к посулам Рузвельта ⁹⁴. Орган Социалистической рабочей партии газета «Пипл», издававшаяся Д. Де Леоном, резко критиковала и республиканцев, и демократов, выдававших себя за «преданных друзей рабочих» тогда, когда они не входили в правительство. «Пипл» предупреждала рабочих, что губернатор лицемерит в своих попытках завязать контакт с профсоюзными лидерами, а те, соглашаясь на сотрудничество с ним, обманывают своих товарищей по классу ⁹⁵.

Между тем Рузвельт действительно, едва переступив порог губернаторского дома в Олбани, стал постоянно приглашать лидеров ведущих профсоюзов на деловые встречи и даже на завтраки, где за одним столом встречались лидеры профсоюзов и республиканцев. Бывал на таких завтраках и глава Американской федерации труда С. Гомперс. Однако, несмотря на этот внешний демократизм, губернатор настойчиво проводил свою линию, которая заключалась в том, чтобы заставить организованных рабочих отказаться от стачек и бороться за улучшение своего положения только «законным путем», т. е. через законодательное собрание штата. Он настаивал на том, что рабочие должны терпеливо ждать, когда правительство проведет в жизнь законодательство, улучшающее их уровень жизни. «Это вид прогресса,— говорил он,— который должен проводиться очень медленно и осторожно» ⁹⁶.

Придавая большое значение отношениям между трудом и капиталом, Рузвельт поддерживал ряд рабочих законопроектов и даже принимал в их составлении личное участие. Среди них нап-

⁹³ «The New York Times», 3.I 1899; *Hurwitz H. L. Op. cit.*, p. 278.

⁹⁴ *Hurwitz H. L. Op. cit.*, p. 215.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 223.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 230.

более важными были такие: расширение полномочий и усиление власти фабричной инспекции; запрещение содержания рабочих домов с работой на дому без лицензий; создание специальной комиссии, следящей за условиями жизни рабочих, работающих на дому; регулирование рабочего времени женщин и детей и охрана их труда на опасных предприятиях; надзор за строительным оборудованием с целью обеспечения безопасности рабочих; уменьшение рабочего дня служащих в аптеках; повышение жалования учителям нью-йоркских народных школ; о рабочих местах для работниц на фабриках и официанток в отелях и ресторанах; привлечение к ответственности работодателей по жалобам фабричных инспекторов за нарушение рабочих законов, и некоторые другие⁹⁷. Рузвельт выражал сожаление, что законодатели провалили билль об ответственности предпринимателя при несчастных случаях, т. е. билль об охране труда, и предлагал поставить его на обсуждение в следующую сессию.

Рузвельт содействовал проведению мероприятий, частично облегчающих положение наемных рабочих, полагая, что не следует допускать возбуждения народных масс, что прогресс в рабочем законодательстве должен протекать «путем эволюции, но не революции»⁹⁸. Поэтому он действительно не отказывался содействовать мирному урегулированию конфликтов рабочих с хозяевами, но при этом был всегда готов принять меры для «восстановления порядка», другими словами, вооруженной силой подавить протест рабочих. К счастью для него,—ибо трудно предположить, чтобы расстрел рабочих демонстрантов и пикетчиков не отразился отрицательно на его политической карьере,—стачечная борьба рабочих штата Нью-Йорк в период его губернаторства не достигла такого накала, хотя в течение этих двух лет (1899—1900) в Нью-Йорке и в других городах забастовки вспыхивали много раз и некоторые из них протекали с большим напряжением. Как правило, забастовки вызывались низкой заработной платой и тяжелыми условиями труда.

В 1899—1900 гг. наиболее значительными были забастовки грузчиков зерна в Буффало, трамвайных кондукторов Нью-Йорка и Бруклина и рабочих-итальянцев, занятых на общественных работах по строительству плотины в Кротоне. Посмотрим, как вел себя губернатор во время этих событий.

Стачка грузчиков зерна в доках Буффало началась в первых числах мая 1899 г. Сначала забастовали 2 тыс. грузчиков, а затем к ним присоединились портовые рабочие других профессий, и число стачечников достигло 7 тыс.⁹⁹ Рабочие требовали не только повышения заработной платы. Еще важнее для них

⁹⁷ *Hurwitz H. L. Op. cit., p. 220—221.*

⁹⁸ Цит. по: *Hurwitz H. L. Op. cit., p. 224—225* (из речи Рузвельта в Чикаго 3 сентября 1900 г.).

⁹⁹ *Hurwitz H. L. Op. cit., p. 244.*

было добиться изменения системы найма. При существующей системе рабочие имели дело не с конторой компании, владевшей элеваторами, а с «надувалами-боссами», подрядчиками, заключавшими контракты с компанией и вербовавшими потом грузчиков. Боссы прикарманивали изрядный процент заработной платы рабочих, да еще рассчитывались через салуны, спаивая и нагло обчитывая грузчиков¹⁰⁰.

С ведома губернатора в Буффало выехали представители отдела посредничества и арбитража для расследования положения в доках. После бесед с профсоюзными лидерами они сообщили, что нет надежды на примирение, так как рабочие больше не хотят признавать существующую систему контрактации¹⁰¹. Подрядчики попробовали привезти штрейкбрехеров из Нью-Йорка. Но нью-йоркские рабочие, разобравшись в ситуации, почти все потребовали отправки домой¹⁰².

Компании в Чикаго и Буффало терпели огромные убытки. Миллионы бушелей зерна лежали в порту без движения, а ко всему этому в коммерческих кругах появились серьезные опасения, что прибывающий поток зерна из Индианы и Иллинойса, задерживаясь в Буффало, нарушит весь товарооборот Великих озер¹⁰³. В этих условиях подрядчики пошли на уступки, согласились удовлетворить требования рабочих вплоть до приема на работу только членов союза¹⁰⁴.

Однако главное требование грузчиков — ликвидировать систему найма через подрядчиков — не было удовлетворено. Представители отдела посредничества посчитали это «абсурдом», а губернатор одобрил работу представителей отдела, о чем написал им лично 8 и 15 мая 1899 г., хваля их за якобы проявленный такт¹⁰⁵.

Забастовка разрешилась мирным путем, местные власти отнюдь не требовали прислать войска, тем не менее губернатор Рузвельт дал распоряжение генерал-майору Роэ держать наготове целую бригаду национальной гвардии и ввести ее в действие против рабочих при первом требовании местного начальства или угрозах со стороны рабочих¹⁰⁶. Как раз об этих своих распоряжениях в отношении бастующих рабочих Буффало Рузвельт писал Платту 8 мая в цитированном ранее письме.

Примерно также губернатор отнесся к стачкам трамвайных кондукторов Нью-Йорк-Сити и Бруклина, происходившим в июле того же года. Рабочие трамвайной компании Нью-Йорка («Мет-

¹⁰⁰ Hurwitz H. L. Op. cit., p. 244.

¹⁰¹ «The New York Times», 7.V 1899.

¹⁰² «The New York Times», 8.V 1899.

¹⁰³ Hurwitz H. L. Op. cit., p. 245.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ Ibid., p. 246.

¹⁰⁶ Письма из архива Рузвельта, не вошедшие в публикацию Э. Морисона и Дж. Блама (The Letters), см.: Hurwitz H. L. Op. cit., p. 246.

рополитен стрит рэйлуэй компани»), занятые от 14 до 16 часов в сутки при заработной плате, не превышавшей 2,25 долл. в день, да и то при условии, если вагоны идут с пассажирами, объявили забастовку и выдвинули ряд требований: 10-часовой рабочий день, твердая ставка в 2,25 долл. в день с уплатой сверхурочных, заключение коллективного договора, запрещение дискриминации членов союза¹⁰⁷. Президент компании отказался разговаривать с рабочим комитетом, представлявшим бастующих рабочих. Когда вмешались представители отдела посредничества и арбитража, им была предъявлена петиция с 2700 подписями служащих компании, в которой условия работы были названы прекрасными¹⁰⁸. Отдел посредничества и арбитража не стал доискиваться, откуда взялась петиция, а доложил губернатору, что большинство рабочих удовлетворены условиями. Рузвельт ответил, что это как раз то, о чем он «хотел узнать»¹⁰⁹. Таким образом стачка потерпела поражение, а в Бруклине (в те годы это был пригород Нью-Йорка), где бастовали 2 тыс. человек, требовавших соблюдения закона о 10-часовом рабочем дне, произошло кровопролитие. Полицейские отряды стреляли в рабочих. А Рузвельт? Как отнесся к этому губернатор? Он телеграфировал командиру национальной гвардии: «Иметь все наготове к действию, если произойдет что-либо незаконное, с чем полиция не сумеет справиться»¹¹⁰. Но полиция «справилась», и стачка была разгромлена без участия войск штата.

В апреле 1900 г. начались рабочие волнения в Кротоне на строительстве плотины. Итальянские иммигранты, работавшие там, уже не раз пытались добиться улучшения своего положения, но все их попытки натыкались на организованный отпор гражданских властей и шерифа. Работы производила не частная компания, а комитет штата по общественным работам, но система найма была та же — через подрядчика, а рабочий день продолжался 11—12 часов вопреки закону о 8-часовом дне на общественных работах.

Требования рабочих-итальянцев, когда они в середине апреля 1900 г. объявили забастовку, были очень умеренными. Итальянцы даже не посмели потребовать 8-часового рабочего дня, они готовы были согласиться на 9-часовой и небольшую прибавку (не свыше 2 долл. в день). Прибывшие в Кротон чиновники из отдела посредничества и арбитража признали условия работы тяжелыми, а заработную плату — низкой и просили подрядчиков согласиться на компромисс. Что-то пытался сделать даже итальянский консул в Нью-Йорке. Но представитель фирмы на-

¹⁰⁷ *Hurwitz H. L. Op. cit., p. 240.*

¹⁰⁸ *Ibid., p. 241.*

¹⁰⁹ T. Roosevelt to State Board of Mediation and Arbitration, July 26, 1899.—*In: Hurwitz H. L. Op. cit., p. 241.*

¹¹⁰ *Hurwitz H. L. Op. cit., p. 242.*

отрез отказался пойти на уступки¹¹¹. Он требовал ареста рабочих лидеров.

Никакого нарушения порядка со стороны стачечников сначала не было, тем не менее шериф попросил прислать войска. Немедленно в район забастовки прибыли две роты национальной гвардии (пехота и кавалерия) общей численностью до 1300 человек¹¹².

Войска были посланы с ведома и одобрения губернатора. Рузвельт писал генералу Роэ: «Нельзя допускать никакого беспорядка, и бунтовщикам нельзя позволить ни на момент взять верх»¹¹³. Правда, он добавил, что надеется избежать «коллизии», но его жестокое требование «не допускать бунта» было всем известно. Недаром военный лагерь тут же окрестили «лагерем Рузвельта»¹¹⁴.

Дело в Кротоне чуть было не приняло рокового оборота. Прибытие войск накалило атмосферу, рабочие были возбуждены, чувствуя себя окруженными врагами, и готовы были сражаться. Анжело Ротелла — их лидер — сказал, что у них мало оружия, но люди достанут его¹¹⁵. Газеты печатали репортаж из Кротона на первых страницах. В такой обстановке стычка с солдатами могла вспыхнуть в любой момент. 17 апреля в газетах появилось сообщение об убийстве итальянцами молодого сержанта национальной гвардии¹¹⁶. Стрелявшего не нашли, и были ли виноваты в этом убийстве стачечники — следствие не установило. Но молва — и власти — приписывали преступление рабочим.

По приказу генерала Роэ руководителей забастовки арестовали, хотя никаких улик против них не было¹¹⁷. Стачка была проиграна, часть бастующих получила грошовую прибавку, смирилась и вышла на работу; тем же, кто не захотел подчиниться, пришлось совсем уйти¹¹⁸.

Во время забастовки в Кротоне Рузвельт держался жестко и непреклонно, хотя и утверждал, что войска присланы только для предотвращения беспорядков. Так он ответил и итальянскому послу барону Фава, пожелавшем встретиться с ним по поводу стачки итальянцев¹¹⁹. При этом губернатор в конфиденциальной переписке признавал отчаянное положение рабочих в Кротоне. Он писал Лоджу: «Между прочим, у нас возможен бунт

¹¹¹ «The New York Times», 15.IV 1900.

¹¹² «The New York Times». 16.IV 1900; Hurwitz H. L. Op. cit., p. 250—251.

¹¹³ T. Roosevelt to Ch. F. Roe, Apr. 16, 1900.— In: The Letters, Vol. II, p. 1264.

¹¹⁴ Hurwitz H. L. Op. cit., p. 251.

¹¹⁵ «The New York Times», 16.IV 1900.

¹¹⁶ «The New York Times», 17.IV 1900. Через несколько дней губернатор сделал нарочитый жест: он послал в фонд помощи семье убитого сержанта 50 долл. через начальника штаба при губернаторе (T. Roosevelt to E. M. Hoffman, Apr. 30, 1900.— In: The Letters, Vol. II, p. 1278—1279).

¹¹⁷ «The New York Times», 20.IV 1900; Hurwitz H. L. Op. cit., p. 252.

¹¹⁸ Chessman G. W. Op. cit., p. 221—223.

¹¹⁹ «The New York Times», 21.IV 1900.

на плотине в Кротоне, где взбунтовавшиеся итальянцы уже убили парня из национальной гвардии. Собственно говоря, я думаю, что кто-то из подрядчиков несомненно угнетал служащих, но, конечно, теперь, когда последние обратились к насилию, мы должны поставить их на место, чего бы это ни стоило...»¹²⁰

Настаивая на применении силы, губернатор все же потребовал от представителя отдела посредничества и арбитража прислать ему подробный доклад о положении в Кротоне, особенно интересуясь, не нарушается ли принятый в Нью-Йорке закон о 8-часовом рабочем дне на общественных объектах¹²¹. Ему ответили, что этот закон в Кротоне якобы выполняется, хотя самый факт требования рабочими девятичасового рабочего дня говорил об обратном. Но там, где Рузвельт действительно мог призвать к ответу подрядчиков и чиновников комитета по общественным работам за нарушение закона, он, видимо, предпочел закрыть глаза и удовлетвориться лживым докладом чиновников. Поэтому вполне понятно, что в рабочих массах губернатор не пользовался популярностью, на какую он рассчитывал, занимаясь рабочим законодательством и поддерживая контакт с профсоюзной верхушкой.

Однако сам Рузвельт был очень доволен собой, полагая, что его позиция в отношении рабочих справедлива, и очень гордился своим социальным законодательством, не меньше, чем проведением налогового обложения привилегий и мерами по консервации природных ресурсов. Возникший у него интерес к последней проблеме, не только не остыл с годами, но сделал его убежденным сторонником и защитником дела охраны национальных богатств.

В этой области губернатор опирался на советы своего друга архитектора К. Г. Лафарга, нескольких нью-йоркских чиновников и, наконец, Г. Пинчота, специалиста-лесоведа, занимавшего уже в это время пост главного лесничего Соединенных Штатов.

По совету Лафарга в ежегодное послание губернатора законодательному собранию Рузвельт включил предложение о развитии и перестройке лесоводства в штате Нью-Йорк на научных принципах¹²². Но легислатура, состоявшая в основном из адвокатов и толстосумов, не заинтересовалась этим вопросом, не сулившим быстрой и непосредственной выгоды. Губернатор, натолкнувшись на глухое сопротивление законодателей, не смог превратить комиссию штата по лесоводству, рыболовству и охоте в оперативный орган, хотя дважды сменил состав комиссии. Но ему удалось продвинуть наконец создание национального парка на

¹²⁰ T. Roosevelt to H. C. Lodge, Apr. 17, 1900.— In: The Letters, Vol. II, p. 1265.

¹²¹ T. Roosevelt to F. B. Delehanty, Apr. 19, 1900.— In: The Letters, Vol. II, p. 1267.

¹²² В этом послании от 3 января 1900 г. губернатор Рузвельт потребовал, чтобы вырубка леса в штате была поставлена «на строго научную основу» (цит. по: The Letters, Vol. II, p. 1179, note 1).

берегу реки Гудзон (Палисэйдс-парк). Законодатели долго сопротивлялись предложению сохранить уникальное по красоте месторождение диабазы, образовавшего причудливые скалы на западном берегу Гудзона. Залежи этого минерала уже начали разрабатывать и вывозить камень для мощения дорог.

В 1899 г. судьбой Палисэйдс-парка заинтересовался Рузвельт. Он поддержал проект объявить этот район заповедником и создать для надзора смежную комиссию двух штатов (Нью-Йорка и Нью-Джерси) и добился от законодательного собрания ассигнования 10 тыс. долл. на первые расходы. Затем он пригласил очень богатого нью-йоркского бизнесмена Дж. У. Перкинса на пост президента этой комиссии. Выбор оказался удачным. Перкинс, согласившийся взяться за это дело под энергичным натиском губернатора, впоследствии увлекся делом и, обладая настоящим организаторским талантом и огромными средствами, поставил дело на широкую ногу¹²³. Палисэйдс-парк сделался достопримечательностью штата к удовлетворению самолюбия Перкинса, смотревшего на него как на свое детище.

Активность губернатора раздражала Платта, привыкшего себя считать в штате полным хозяином. По многим вопросам рабочего законодательства, охраны природных ресурсов, налогообложения Рузвельту приходилось преодолевать сопротивление «Легкого босса», неохотно соглашавшегося с губернатором, когда дело не касалось прямой выгоды для «большого бизнеса». Но Рузвельту удавалось не доводить их отношения до разрыва¹²⁴. Да и сам босс, видимо, не хотел ссоры; их пресловутые совместные завтраки в Нью-Йорке (в отеле у Платта или у какой-нибудь из сестер Рузвельта) продолжались. Газеты сообщали об этих встречах, подсмеиваясь над губернатором. Но даже журнал «Нэйшн» иногда одобрительно отзывался о том или ином «самостоятельном» поступке губернатора, например о назначении генерал-адъютантом национальной гвардии штата независимого демократа подполковника Эндрюса. Однако именно из-за назначения на один из важных в иерархии штата постов между губернатором и боссом произошел крупный конфликт уже в начале 1900 г.

В феврале 1900 г. истек срок полномочий главы департамента по страхованию суперинтенданта Л. Ф. Пэйна. Рузвельт не хотел продлевать ему срок. Репутация у Пэйна была сомнительная: Пэйн положил себе в карман изрядную сумму денег, покрывая махинации страховых корпораций. Показательно, что

¹²³ Garraty J. A. Right-Hand Man. The Life of George W. Perkins. New York, 1960, p. 83; Chessman G. W. Op. cit., p. 242—243.

¹²⁴ Рузвельт писал в «Автобиографии» об отношениях с Платтом: «Были мероприятия, на которые он неохотно и раздраженно давал согласие, не приводя в исполнение угрозу разрыва» (Roosevelt T. An Autobiography, p. 288). К числу таких мероприятий относились рабочее законодательство и охрана природных ресурсов.

страховые корпорации просили за Пэйна, и Платт совершенно взбесился, когда узнал, что губернатор, которого он посадил в Олбани, замахнулся на близкого ему человека. Можно думать, что Рузвельт не забыл, что это Пэйн поднял дело о неуплате им, Рузвельтом, налога и пытался дискредитировать его кандидатуру. Во всяком случае он воспользовался промахом Пэйна, принявшего от известной страховой компании «Стэйт траст» под видом займа 435 тыс. долл.¹²⁵ Обнародование этого факта и назначение расследования повлекло бы за собой крупный скандал. И Платт сдался. Пэйн был снят (но его не привлекли к суду), а на его место был назначен по предложению Рузвельта Гендрикс, тоже из числа лиц, угодных боссу. Конфликт как будто был разрешен, но «Легкий босс» не простил губернатору этой выходки, в чем Рузвельту довольно скоро пришлось убедиться.

В 1900 г. — это был второй год его пребывания в Олбани — административный пыл губернатора заметно остыл. Он объяснял это тем, что «так много было сделано в 1899 году»¹²⁶ (!). На самом же деле в это время Рузвельт был озабочен своей собственной судьбой в связи с предстоящими выборами осенью 1900 г. Он собирался вторично баллотироваться в губернаторы и принимать участие в избирательной кампании на стороне Маккинли.

В том, что Т. Рузвельт страстно мечтал стать президентом, не приходится сомневаться. Он приходил в ярость, когда с ним заговаривали о президентстве¹²⁷, но это обстоятельство как раз и говорит, что Белый дом был его желанной целью.

К 1900 г. популярность полковника Рузвельта была уже очень велика, особенно в мелкобуржуазных кругах. Газетный магнат Г. Коулсат, знакомство которого с Рузвельтом относится к этому времени, рассказывает, с каким энтузиазмом встречали Рузвельта на Западе — и в Чикаго и в мелких городишках. Особенно шумную рекламу ему делали его верные «лихие всадники». Но и без них Рузвельт с талантом прирожденного демагога умел устанавливать контакт с аудиторией, перед которой приходилось выступать.

Прием, оказанный Рузвельту в 1899 г. во время лекционного турне по Западу, действительно мог заронить в его сердце самые смелые надежды. На транспарантах, которые несли в толпе, встречавшей столичных агитаторов, пестрели лозунги: «Тедди Рузвельт — 1904»¹²⁸. Значит, среди рядовых избирателей о нем уже говорили как о кандидате в президенты в 1904 г. На избрание в 1900 г. — он понимал — рассчитывать не приходилось:

¹²⁵ Gosnell H. F. Op. cit., p. 241.

¹²⁶ Pringle H. F. Op. cit., p. 244.

¹²⁷ Steffens L. J. Op. cit., p. 259.

¹²⁸ Kohlsaat H. H. From McKinley to Harding: Personal Recollections of Our Presidents. New York and London, 1923, p. 77.

партийные боссы выдвигали в президенты Маккинли на второй срок.

Рузвельт был готов отслужить еще два срока (по два года) губернатором или получить пост генерал-губернатора Филиппинских островов, или стать членом кабинета министров, а потом баллотироваться в президенты на следующих выборах. Пожалуй, больше всего его привлекали Филиппины.

Положение на Филиппинских островах, только что аннексированных американским правительством, было очень напряженным. Неожиданно для американских захватчиков филиппинский народ не принял «веления бога», по которому согласно рассказу президента Маккинли он — Маккинли — решил объявить острова собственностью Соединенных Штатов. Парижский договор в декабре 1898 г. узаконил этот предательский акт, а конгресс США его ратифицировал. Но филиппинцы не сложили оружия, а обратили его теперь против своего коварного союзника, превратившегося во врага и поработителя. Эта война оказалась более кровавой и более затяжной, чем война с Испанией.

Лидеры экспансионизма, к которым принадлежали в первую очередь Рузвельт и Лодж, выступали с одобрением политики правительства. «Губернатор Рузвельт полагает,— возмущался журнал «Нэйшн», придерживавшийся антиимпериалистической линии,— что филиппинская война делает избрание Маккинли национальным долгом... Он утверждает, что существует опасность превращения нашей нации в торгашей, если у нас не будет частых войн, и что действительными преступниками в нашей истории являются те, кто пренебрегает благоприятными для войны обстоятельствами»¹²⁹.

Члены Антиимпериалистической лиги, образованной еще в 1898 г., пытались вразумить свое правительство, выступая с осуждением кровавой расправы с филиппинским народом¹³⁰. Однако, несмотря на их выступления, пропаганда экспансионизма и идеи о необходимости США бороться за первенство в системе мировых держав имела огромный успех, особенно среди военщины и мелкобуржуазных кругов, упоенных легкой победой над Испанией. Писатель и редактор газеты «Эмпория стар» У. А. Уайт, для которого Т. Рузвельт был и остался героем, писал об этом времени: «Когда испанцы сдались на Кубе и позволили нам захватить Пуэрто-Рико и Филиппины, Америка на этом перекрестке свернула на дорогу, ведущую к мировому господству. На земном шаре был посеян американский империализм. Мы были осуждены на новый образ жизни»¹³¹. Эти слова, написанные более 40 лет спустя, подчеркивают якобы фатальную неизбежность американской агрессии и одобряют ее.

¹²⁹ «The Nation», 1899, July 6, p. 1.

¹³⁰ Об этом см.: Дементьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М., 1973, с. 202—221.

¹³¹ White W. A. Op. cit., p. 319 (подчеркнуто мною.— И. Б.).

В преддверии новой избирательной кампании лидеры республиканской партии как партии, возглавившей успешную войну, надеялись выиграть сражение с демократами, выставив кандидатуру Маккинли на второй срок. Поддержка Маккинли в тот момент означала признание политики империалистических захватов, и как раз на империалистическом угаре, отравлявшем атмосферу в Соединенных Штатах на рубеже старого и нового, XX в., строили свои планы республиканские политики.

Все эти политические коллизии отвлекали губернатора от повседневных дел по штату и возбуждали в нем тревогу за свою дальнейшую судьбу. Он знал, что его карьера зависит от партийных боссов, и был в затруднении, может быть, даже в смятении, ощущая, что отношения с партийной машиной достигли степени кризиса. Рузвельт жаловался, что каждый билль вызывает недовольство той или иной группы. Он писал сестре: «Крупные корпорации восстают против налога на привилегии и соответственно злятся на меня. Федерация труда сердится из-за того, что я молниеносно вызываю милицию, чтобы предупредить бунт во время забастовки на кротонской плотине. Партийные лидеры и вовсе с трудом удерживаются в рамках, а ярые экстремисты среди них ворчат, что они могли бы поддержать демократа, так как я не выражаю милосердия к тупости и еще менее к мошенничеству; в то же время, с другой стороны, порядочные, но непрактичные люди возмущаются, потому что я во всем консультируюсь с руководством партии. Так продолжается все время, и я постоянно вооружаю против себя мелких людишек, так что — насколько я могу предвидеть — мне нечего уповать на то, что кто-либо из голосовавших против меня раньше изменит теперь свою позицию»¹³².

В свете вышеприведенного письма Рузвельта становится понятным, почему в это время губернатор не только стал меньше заниматься делами штата, но неожиданно для многих круто изменилось его отношение к на шумевшему скандальному делу о строительстве канала на оз. Эри.

В первом послании законодательному собранию в январе 1899 г. губернатор Рузвельт упомянул об этом деле и обещал полное расследование. В апреле он потребовал от законодательного собрания штата выделения специальных средств для ведения такого расследования, чем поставил законодателей в трудное положение, ибо «у обеих политических партий руки были в грязи», — как писал обозреватель «Нэйшн»¹³³. В том же номере этот журнал отметил, что отношение Рузвельта к делу о злоупотреблениях на канале совершенно изменилось. В одном из своих регулярных выступлений губернатор сказал, что юристы, прово-

¹³² T. Roosevelt to A. R. Cowles, Apr. 30, 1900.— In: The Letters, Vol. II, p. 1277.

¹³³ «The Nation», 1899, Sept. 7, p. 180.

дившие расследование, отрицают состав преступления в поведении высших чиновников, руководивших строительством канала, и называют обвинения против них «бесстыдной ложью и клеветой»¹³⁴. В результате эти чиновники, изрядно награвшие руки на общественных работах по строительству канала, остались безнаказанными на том основании, что ассамблея в свое время вотировала им право «делать все, что им угодно, без опасности уголовного преследования»¹³⁵. Правда, губернатор сместил суперинтенданта по общественным работам и назначил нового — полковника Патриджа — по своему выбору, по дело было замято.

Этот компромисс с собственной совестью уже ничем не помог Рузвельту. К 1900 г. Платт был в ярости от самоуправства Рузвельта и придумывал, куда бы спихнуть не в меру деятельного губернатора. Просто отставить его он не решался. Популярность Рузвельта среди рядовых республиканцев всех оттенков была столь велика, что при желании он мог попытаться выставить свою кандидатуру хотя бы от независимых, так думал Платт. Он даже не предполагал, что этот политикан, несмотря на свою строптивость, ни под каким видом не хочет порывать с республиканской партией. (Нужны были чрезвычайные обстоятельства, чтобы через 12 лет Рузвельт решился на такой шаг. Но тогда он уже был лидером национального масштаба.) Поэтому Платт видел выход только в том, чтобы предложить Рузвельту внешне блестящий пост, но без перспектив активной политической деятельности. Таким постом было вице-президентство, ибо функции вице-президента сводились к председательствованию в сенате.

Эта «блестящая» идея осенила Платта еще во время острых споров по поводу закона о налоге на привилегии. Как вспоминал сам Платт, Рузвельт не слушал никаких уговоров со стороны босса, «стиснул кулаки, оскалил зубы и протащил через законодательное собрание закон о налоге на привилегии»¹³⁶. Вот тогда Платт и подумал, что на следующих выборах надо убрать Тедди из Олбани и выставить кандидатом в губернаторы Б. Оуделла.

Рузвельт не хотел верить, что Платт намеревается отправить его в почетную ссылку, в сенат, хотя вокруг него все время циркулировали слухи, будто ему предложат выставить свою кандидатуру в вице-президенты. Но об этом он и слышать не хотел, и в течение зимы и весны 1900 г. настойчиво пытался отвести от себя угрозу стать вице-президентом, точнее же, угрозу не получить возможности вторично баллотироваться на пост губернатора. В феврале он прямо написал Платту: «Я хотел бы остаться губернатором на второй срок, особенно если мы сможем удержать в рамках дело о каналах. Но в качестве вице-президента я не вижу ничего, что бы я мог сделать»¹³⁷. Коулсату,

¹³⁴ Ibid., p. 181.

¹³⁵ «The Nation», 1899, Oct. 26, p. 307.

¹³⁶ Platt T. C. Op. cit., p. 375.

¹³⁷ T. Roosevelt to T. C. Platt, Febr. 1, 1900.— In: The Letters, Vol. II, p. 1157.

с которым он близко сошелся в 1899 г., он говорил, что вице-президентство — «самый последний пост, на который бы я пошел или о котором беспокоился»¹³⁸.

При встрече с Рузвельтом в конце марта коварный Коулсат, ухитрявшийся поддерживать дружеские отношения с Ханной, Маккинли и Рузвельтом, советовал ему не соглашаться на вице-президентство. При этом Коулсат знал, что М. А. Ханна не терпит Рузвельта и постарается не допустить его выдвижения¹³⁹. Впрочем, об этом обстоятельстве мало кто в республиканских кругах не был осведомлен. Говорили, что Ханна пришел в ужас при мысли, что, как он выразился, «этот сумасшедший» может попасть в Белый дом в случае смерти президента Маккинли. Платту пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить национального босса республиканцев согласиться с кандидатурой Рузвельта.

С губернатором Платт обошелся с нарочитой грубостью, объявив ему в присутствии своего сына и Оуделла, что кандидатом на губернаторский пост назначается Оуделл, а Рузвельт будет выдвинут на съезде кандидатом в вице-президенты¹⁴⁰. После бешеного приступа ярости, когда полковник кричал, что выступит с отказом, он быстро смирился. На съезде Рузвельт промолчал, ибо остаться совсем за бортом, не получив ни губернаторства, ни вице-президентства, было бы еще хуже.

Впоследствии в «Автобиографии» Рузвельт не признался в том, что спасовал перед «Легким боссом». Ничего не написал он и о том, что знал о решении Платта сделать губернатором Оуделла. По словам полковника выходило, что отношение Платта к губернатору усилило... «чувства делегатов из других штатов в такой степени, что выдвижение моей кандидатуры стало необходимостью. К наступлению следующего дня сам сенатор Ханна пришел к заключению, что это необходимо... Никакой другой кандидат не был внесен в список»¹⁴¹. Таким образом, читатели его мемуаров должны были понять, что он уступил настойчивому желанию широких кругов видеть его имя в избирательном бюллетене республиканцев рядом с именем Маккинли.

Во время избирательной кампании кандидатура Рузвельта действительно неплохо подкрепила Маккинли, несомненно во многом уступавшему кандидату демократов адвокату У. Д. Брайану, прирожденному оратору. Республиканский кандидат в вице-президенты не мог спокойно ожидать результатов, а, забросив свои губернаторские обязанности, участвовал в агитационной кампании с бешеной энергией.

Выборы закончились внушительной победой республиканцев. 28 штатов голосовали за Маккинли и Рузвельта и только 17 за

¹³⁸ *Kohlsaat H. H. Op. cit., p. 86.*

¹³⁹ *Ibid., p. 87.*

¹⁴⁰ *Platt T. C. Op. cit., p. 389.*

¹⁴¹ *Roosevelt T. An Autobiography, p. 309.*

Брайана ¹⁴². Даже такие штаты, как Канзас, Южная Дакота, Орегон и другие тихоокеанские штаты, обычно голосовавшие за демократов, пошли за республиканцами. Это был окончательный крах брайанизма, и Рузвельт приписывал себе немалую долю в этой победе.

Итак, Маккинли остался в Белом доме, а Рузвельту предстояло четыре года председательствовать в сенате, не принимая активного участия в политике, т. е. быть лишенным дела, к которому он считал себя наиболее способным. Но не прошло и года, как выстрел Чолгоша открыл перед ним двери Белого дома.

Рузвельту было около 43 лет, когда он стал главой правительства Соединенных Штатов. Он был моложе всех предыдущих президентов, но обладал громадным самомнением и считал себя вполне подготовленным для новой ответственной роли. О своей деятельности в качестве губернатора он был чрезвычайно высокого мнения. «Я думаю, что был самым лучшим губернатором своего времени, лучше чем Кливленд или Тилден», — писал он своему дяде, отнюдь не греша скромностью ¹⁴³. Известно, что хвастливость Рузвельта служила предметом насмешек даже среди его друзей.

Оценивая деятельность Рузвельта-губернатора, надо сказать, что он вполне оправдывал свое назначение политического деятеля класса буржуазии, которому он служил убежденно и целеустремленно. В этом смысле важны не его стычки с Платтом, а его позиция в отношении рабочего класса. Как мы уже говорили, он придавал большое значение взаимоотношениям между трудом и капиталом. При этом было совершенно ясно, на чьей стороне губернатор. Он проявлял готовность содействовать мирному урегулированию конфликта, но одновременно приводил в готовность войска национальной гвардии штата, чтобы любой ценой «восстановить порядок», т. е. был готов поступить так, как поступал Кливленд.

Для самого Рузвельта два года в Олбани значили чрезвычайно много. Они обогатили его опытом практической политики и научили маневрированию в контакте с партийной машиной и законодательным собранием, а главное — в эти годы окончательно сформировались его взгляды на превалирующую роль исполнительной власти (губернатора, президента) в политической и экономической жизни страны и на необходимость проведения гибкой внутренней политики, на необходимость буржуазных реформ сверху, рассчитанных на укрепление существующего строя и позиций класса, представителем которого он был.

¹⁴² «The New York Times», 8.XI 1900.

¹⁴³ Цит. по: *Pringle H. F. Op. cit.*, p. 214.